„Русская Историческая Библіотека“

№ 16

1917/1918.

Андрей Ивановичъ Желябовъ

И

Софья Львовна Перовская

(Біографическіе очерки).

„Русская Историческая Библіотека"

№ 16.

Андрей Ивановичъ Желябовъ

и

Софья Львовна Перовская

(Біографическіе очерки).

Складъ при
книгоиздательствѣ
Донская Рѣчь.

Цѣна 10 коп.

Типографія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

Предисловіе.

Въ 1879 году произошелъ рѣзкій переломъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Къ этому году относится образованіе новой революціонной партіи „Народной Воли“ съ яркой политической программой. Народовольцы скоро обратили на себя общее вниманіе, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, и надолго наложили отпечатокъ своихъ воззрѣній на всю послѣдующую дѣятельность русскихъ революціонеровъ. Среди этихъ народовольцевъ видное мѣсто, на-ряду съ А. Д. Михайловымъ и Н. А. Морозовымъ, занимали С. Л. Перовская и А. Ив. Желябовъ. Прошло болѣе 25-ти лѣтъ съ того времени, какъ они погибли, и только теперь явилась, наконецъ, возможность упоминать въ русской легальной литературѣ имена этихъ выдающихся революціонеровъ.

Въ настоящей брошюрѣ мы перепечатываемъ чрезвычайно любопытныя и важныя для біографій Желябова и Перовской воспоминанія, составленныя лицами, близко знавшими ихъ обоихъ. Эти біографическіе очерки были составлены и напечатаны въ 1882 году въ Женевѣ.

Кто захочетъ обстоятельнѣе познакомиться съ дѣятельностью Желябова и Перовской, тотъ найдетъ о

нихъ уже и въ настоящее время въ русской литературѣ много и другихъ матеріаловъ. Все, что писалось о дѣятельности партіи Народной Воли за 1879—1881 гг., все это такъ или иначе относится и къ біографіямъ этихъ двухъ виднѣйшихъ ея представителей. Напримѣръ, въ отчетѣ о процессѣ 1881 г. читатели найдутъ разсказъ о всѣхъ крупныхъ революціонныхъ дѣлахъ, въ которыхъ выразилась дѣятельность партіи Народной Воли и въ которыхъ такое видное участіе принимали и Желябовъ и Перовская. Въ заграничномъ изданіи „Былого“, появившемся теперь въ Россіи, перепечатаны характерныя статьи „Рабочей Газеты“, выходившей подъ редакціей Желябова и его товарища Коковского. Тамъ же помѣщена и программа рабочихъ, составленная этими двумя редакторами „Рабочей Газеты“. Эти и другія подобныя имъ статьи, уже появившіяся въ литературѣ, дополнены описаніемъ дѣятельности и личности Перовской и Желябова и выяснятъ читателямъ тѣ задачи, которыя они ставили себѣ и за которыя они погибли на эшафотѣ.

Значительная часть нижепомѣщаемыхъ очерковъ была воспроизведена въ августовской книжкѣ журнала „Былое“, но здѣсь они печатаются въ болѣе полномъ видѣ.

Влад. Бурцевъ.

Андрей Ивановичъ Желябовъ.

Андрей Ивановичъ Желябовъ, по моему мнѣнію, представляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ типовъ за всю послѣднюю четверть вѣка. Большая часть его огромныхъ способностей не могла найти себѣ примѣненія въ нашей сѣрой и тѣсной жизни, но, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, этотъ человѣкъ могъ бы разыграть крупную историческую роль, и, размышляя о его короткой, но кипучей жизни, мнѣ невольно вспоминаются слова поэта, сказанныя по поводу такихъ же подвижниковъ земли русской:

„Попробуй, усомнись въ ея богатыряхъ
„Доисторическаго вѣка,
„Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
„Все поколѣнье два-три человѣка!

Изъ такихъ людей былъ и Желябовъ.

Не мнѣ бы характеризовать эту сложную, богатую натуру,—не легко понять ее, и еще труднѣе воспроизвести. Да проститъ мнѣ тѣнь мученика мои невольныя погрѣшности, но, къ несчастью, я совершенно не имѣю надежды на то, чтобы въ скоромъ времени нашелся кто-либо другой, болѣе способный возсоздать его образъ: жизнь нашихъ радикаловъ такъ коротка и такъ немногимъ извѣстна. Разскажу же, по крайней мѣрѣ, то, что знаю о немъ я.

По происхожденію Желябовъ крестьянинъ, бывшій крѣпостной. Родился онъ въ 1849 или въ 1850 г. У меня сохранился отрывокъ изъ его собственноручнаго письма къ одному пріятелю, гдѣ описаны его дѣтскіе годы. Привожу этотъ документъ дословно.

„Мы изъ помѣщичьихъ дворовыхъ, пишетъ Желябовъ; оба дѣда, по отцу и по матери, вывезены были своимъ барином, помѣщикомъ Штейномъ (получившимъ мѣсто по администраціи), въ Крымъ въ первые годы этого столѣтія изъ Костромской губерніи. По пути слѣдованія въ Херсонской или Полтавской губерніи помѣщикъ, ѣхавшій по-старинному съ дворней и обозомъ, остановился для роздыха и веселья у родича, помѣщика. Здѣсь дѣдъ по матери, Гаврило Тимофеевичъ Фроловъ, женился на вольной казачкѣ, Акулинѣ Тимофеевнѣ. Въ Крыму Штейнъ роздалъ крестьянъ въ приданое дочерямъ, иныхъ продалъ.

Семейства Желябовыхъ и Фроловыхъ пошли въ разныя руки. Первое за дочерью Штейна перешло Нелидову, отъ котораго и освобождено въ 1861 г. Второе досталось купцей греку, малоазіатскому выходцу, Лампси, разбогатѣвшему продажей табуновъ лошадей (за деньги вышелъ въ дворяне съ правомъ имѣть крѣпостныхъ). Отъ этого Лампси семейство Фроловыхъ за дочерью его перешло къ Лоренцову, отецъ котораго тоже выходецъ греческій—былъ простымъ каменщикомъ, изготовлялъ надгробные памятники, разбогатѣлъ таинственно, сына обучилъ, опредѣлилъ на службу и купилъ дворянство. Отъ Лоренцовыхъ семейство Фроловыхъ освобождено въ 1861 году. Всѣ члены семействъ Желябовыхъ и Фроловыхъ исполняли разныя дворовыя службы: такъ, отецъ мой былъ отданъ въ обученіе садовнику-нѣмцу, дядя (Желябовъ) поваръ, тетка (Желябова) фрейлина, дядя (Фроловъ) лакей, тетя (Фролова) горничная. Имѣніе Нелидова Султановка (первая почтовая станція отъ Ѳеодосіи, Ѳеодосійскаго уѣзда, въ 23 верст. отъ Керчи). Имѣніе Лампси называется Ашбель (Ѳеодос. уѣзда). Имѣніе Лоренцовыхъ, въ 16 верстахъ отъ Ѳеодосіи, называлось Кашка-Чекракъ. Помѣщикъ Нелидовъ, состоя на военной службѣ, проживалъ въ Симферополѣ. Отцу, по дѣламъ экономіи, приходилось часто ѣздить изъ Султановки въ Симферополь, обязательно черезъ Ашбель (третья станція по той же К. Ѳеодос. дорогѣ). Здѣсь приглянулась ему мать моя, дочь Фролова. Послѣ многихъ приключеній, отецъ мой, платившій помѣщику Нелидову, по тому времени, большой оброкъ, за нахожденіе въ услуженіи у южнобережнаго садовода-нѣмца, упросилъ Нелидова

купить Варвару Гавриловну, мою мать. Купля состоялась. Часто отецъ, понукая мать, говоритъ и теперь: „Поворачивайся! вѣдь стоишь 500 руб. и пятакъ мѣдный“ (точная цѣна).

Послѣ женитьбы отца семейство Фроловыхъ за дочерью Ламиси переѣхало въ Кашки-Чекракъ. Всѣ члены семейства получили обязанности при дворѣ; дѣду за выслугой предоставлена свобода отъ обязательной работы: онъ жилъ съ бабкой, Акулиной Тимофеевной, на птичьемъ дворѣ, стоявшемъ особнякомъ (вѣдомство бабье). Здѣсь я провелъ дѣтство свое (отъ 4 до 8 лѣтъ). Дѣдъ, высокій, сѣдоволосый старикъ, всегда ходилъ въ длиннополомъ сюртукѣ, рыжаго верблюжьяго сукна. Какъ теперь помню, этотъ вѣчно задумчивый взглядъ, лицо, не знавшее улыбки, открытый лобъ, сѣдыя кудри, падающія на воротникъ, румянецъ во всю щеку (въ 60-70 лѣтъ отъ роду) и громадную сѣдую бороду. Насколько понимаю, онъ, вѣроятно, зараженъ былъ раскольничьимъ духомъ:—вѣчно возился со старыми книгами въ тяжелыхъ переплетахъ, дважды библію прочиталъ,— какъ и теперь о немъ говорятъ въ семьѣ, желая высказать почтеніе. Это мой учитель и воспитатель. У него я научился грамотѣ церковной, отъ него перенялъ многіе взгляды, поставившіе меня въ оппозицію съ семействомъ родителей по возвращеніи къ нимъ. Только мать моя съ радостью выслушивала мои „глупости“, говоря: „не желябовскій духъ, а фроловскій! Не даромъ дѣдушка тебя Фроленкомъ называетъ“. Образъ дѣдушки для меня милѣе всѣхъ, потому я и остановился такъ на немъ. Ровно 25 лѣтъ назадъ дѣдушка, торжественно осѣнивъ меня крестнымъ знаменіемъ, посадилъ за книжку, говоря: „пора учиться! Прочти молитву, и пусть Господь поможетъ тебѣ, будешь учиться будешь человѣкомъ“. Училъ меня дѣдъ по старому аз, буки, вѣди да еще съ титлами, но въ ученіе онъ влагалъ всю душу, и я къ 7-8 годамъ зналъ псалтырь наизусть. Велика была радость дѣдушки, когда, отправляясь со мною гулять въ горы или въ лѣсъ рубить дрова, онъ говорилъ: „ну, Фроленокъ, псаломъ такой-то!“ И Фроленокъ барабанилъ безъ ошибокъ. Тогда повсюду ждали воли, считали каждый день, но съ затаеннымъ дыханіемъ. Помѣщики, по словамъ дѣдушки (вѣрно или нѣтъ), хотѣли выместить

зло напослѣдокъ; завели шпіонство, пороли за всякую провинность. Помню, какъ бабушка, вѣчно плакавшаяся: „И зачѣмъ это пошла я въ неволю!“ — на цыпочкахъ всегда прокрадывалась къ окошку вечеромъ, прислушиваясь, нѣтъ ли тамъ Полтора-Димитрія, приказчика и шпіона, прозваннаго за громадный ростъ „полтора“. Впослѣдствіи, до освобожденія, ему мой дядя Желябовъ, проживавшій на оброкѣ близъ Кашки-Чекрака и чувствовавшій себя полувольнымъ человѣкомъ, за добродѣтель проломилъ голову. Что помѣщики пользовались властью до послѣднихъ дней, вотъ семейныя воспоминанія дѣтства моего: изъ дѣдушкина жилища я слыхалъ вопли дяди Василія (лакея), когда пороли его на конюшнѣ.... О дѣтствѣ своемъ я никому не разсказывалъ, даже друзьямъ. Я помню, какъ поздней ночью моя тетя Люба (швея) прибѣжала въ нашъ домъ и рыдая повалилась дѣдушкѣ въ ноги. Я видѣлъ распущенныя косы, изорванное платье, слышалъ слова ея: „тятенька! миленькій тятенька, спасите!“; меня тотчасъ увели и заперли въ боковой комнатѣ. Слыша рыданія любимой тетки, я плакалъ и бился въ дверь, крича: „за что мою тетю обижаютъ“. Скоро послышались мужскіе голоса. Полтора-Димитрій съ людьми пришелъ взять Любу въ горницу. Голоса удалились. Что происходило тамъ, я не знаю. Про меня забыли. Истомленный я уснулъ. На утро бабушка украдкой отирала слезы; дѣдушки не оказалось дома. По словамъ бабушки, онъ ушелъ въ городъ мнѣ гостинцевъ купить. Напрасно въ тотъ день сидѣли мы съ бабушкой на горѣ, надъ почтовой дорогой. Обыкновенно, увидавъ высокую фигуру дѣдушки и шапку на палкѣ, я бѣжалъ ему на встрѣчу версты за двѣ отъ горы. Дѣдушка бралъ меня на руки и, подойдя къ бабушкѣ, оставлялъ меня и дѣлалъ привалъ.

На этотъ разъ его не было двое сутокъ; возвратился онъ какой-то особенный. Впослѣдствіи изъ разговоровъ старшихъ я узналъ, что помѣщикъ изнасиловалъ тетю, что дѣдушка ходилъ искать суда и воротился ни съ чѣмъ, такъ какъ и помѣщикъ въ то же утро былъ въ городѣ. Я былъ малымъ ребенкомъ и рѣшилъ, какъ выросту, убить Лоренцова. Обѣтъ этотъ я помнилъ и былъ подъ гнетомъ его до 12 лѣтъ. Намѣреніе мое было поколеблено словами матери: „всѣ они собаки—

мучители". Отецъ готовъ былъ итти на компромиссы, но мать никогда.... Она и теперь дышитъ къ нимъ такой же ненавистью.

Сообщу еще нѣсколько голыхъ фактовъ. Одинъ мой дядя (братъ отца) отъ истязаній бѣжалъ за Дунай къ Некрасовцамъ; объ этомъ я только слышалъ, но тысячи разъ. Другой дядя (по отцу) отъ тѣхъ же радостей состоялъ въ бѣгахъ нѣсколько лѣтъ, былъ усыновленъ крестьяниномъ, ходилъ отъ него коробейникомъ, былъ случайно открытъ, какъ безпаспортный, и въ кандалахъ возвращенъ помѣщику.

Этотъ дядя, Павелъ, былъ поваромъ до самаго освобожденія и прожилъ съ нами нѣсколько лѣтъ. Разсказывалъ все самолично. Отецъ не разъ дрожалъ, выслушивая: „въ Сибирь мерзавца!" Вся семья какъ то странно притихала, металась. Справедливость требуетъ признать, что Нелидовъ былъ мягокъ съ людьми, подъ давленіемъ жены своей — нашей собственницы. Восьми лѣтъ я переѣхалъ отъ дѣда въ Султановку къ роднымъ. Здѣсь въ одинъ изъ пріѣздовъ увидалъ меня Нелидовъ. Узнавъ, что я обученъ грамотѣ, онъ далъ мнѣ книжку: она была гражданская. Но когда мнѣ дали разныя церковныя, помѣщикъ погладилъ меня по головѣ и велѣлъ притти къ нему въ кабинетъ; здѣсь онъ самолично объяснилъ мнѣ гражданскую азбуку и открылъ для меня цѣлый міръ, прочтя „Золотую рыбку" Пушкина. Нелидовъ жилъ въ то время въ Керчи, туда же взялъ меня и опредѣлилъ въ приходское училище, откуда я перешелъ въ уѣздное. 1861 г. засталъ меня при переходѣ изъ I класса во II уѣзднаго училища"*).

Въ это время керченское уѣздное училище было преобразовано въ прогимназію, а затѣмъ—гимназію, сперва реальную, а потомъ классическую. Желябовъ сдѣлался, такимъ образомъ, вольнымъ и продолжалъ ученіе. Онъ былъ страшный шалунъ, но прекрасный

---

*) На этомъ обрываются свѣдѣнія, сообщенныя Желябовымъ о своей жизни. Письмо писано, кажется, въ декабрѣ 1880 года или, во всякомъ случаѣ, около этого времени; я списалъ съ подлинника, который писанъ рукой, несомнѣнно, Желябова и хранится у меня до сихъ поръ.

Ниже мы помѣщаемъ свѣдѣнія другого автора, подробнѣе знакомящія съ этимъ періодомъ жизни Желябова.

товарищъ, и учился очень хорошо. Въ то время Желябовъ былъ худенькій, какъ тросточка, высокій мальчикъ, совершенно непохожій на широкоплечаго, мускулистаго молодца, какимъ сталъ впослѣдствіи. Вообще, онъ развивался медленно. 17—18 лѣтъ онъ былъ еще совсѣмъ мальчикъ, умный, живой, веселый, очень симпатичный, но все-таки мальчикъ. Товарищи его очень любили. Онъ всегда готовъ былъ „подсказать" товарищу, сдѣлать за другого задачу, написать сочиненіе и особенно постоять за другого передъ начальствомъ. Нерѣдко приходилось ему за всякія такого рода штуки сидѣть въ карцерѣ, разъ его даже хотѣли исключить. Но учился онъ всегда хорошо. Особенно сильно сталъ онъ развиваться въ 6—7 классахъ, такъ что долженъ былъ кончить курсъ съ золотой медалью, но на выпускныхъ экзаменахъ, хотя сдалъ ихъ блистательно, онъ, изъ-за своего поведенія, удостоенъ былъ только серебряной медали. Въ томъ же году (1868—1869) Желябовъ поступилъ въ одесскій университетъ на юридическій факультетъ и съ перваго же курса исключенъ за демонстрацію противъ профессора Богишича. Цѣлый годъ пришлось ему просидѣть въ деревнѣ, а затѣмъ онъ поступилъ опять въ этотъ же университетъ, гдѣ пробылъ до 3 курса (юр. факульт.).

Съ третьяго же курса снова былъ исключенъ, но не знаю хорошенько за что; кажется, по случаю своего ареста или что-то въ этомъ родѣ. Въ университетѣ Желябовъ работалъ вообще очень много; жилъ уроками, зарабатывалъ рублей 150 въ мѣсяцъ; помнится, въ 1872—73 годахъ Желябовъ уже принималъ участіе въ одесскомъ кружкѣ, находившемся въ тѣсной связи съ петербургскими Чайковцами. Не знаю даже приблизительно подробностей жизни Желябова отъ этого времени до 1877 года. Во всякомъ случаѣ онъ жилъ то въ Одессѣ, то въ деревнѣ. Въ это же время онъ женился и имѣлъ сына, также Андрея. Было бы очень интересно, если бы люди знающіе сообщили подробности объ этомъ періодѣ.

Одесскій кружокъ, о которомъ я говорю, отличался очень хорошей, для своего времени, организаціей. Такъ, напр., у нихъ введено было строгое раздѣленіе труда и предположено вести агитацію не въ одномъ рабочемъ классѣ и между студентами, какъ, напри-

мѣръ, было у Чайковцевъ, а вообще во всѣхъ народныхъ и общественныхъ сферахъ. Эти порядки заводилъ, разумѣется, не молодой Желябовъ, а другой человѣкъ, уже пожилой и опытный, но во всякомъ случаѣ выходитъ, что Желябовъ сразу же попалъ въ лучшую политическую школу, чѣмъ большинство изъ насъ. Петербургскіе делегаты, возвращаясь изъ Одессы, не могли нахвалиться тамошними порядками и во многомъ ставили ихъ себѣ образцомъ. Кружокъ просуществовалъ недолго и печезъ въ погромахъ и движеніи 1874 г., разсѣявшись въ безпорядочныхъ толпахъ крестоносцевъ, двинувшихся въ народъ. Но Желябовъ, раздѣляя общее увлеченіе, да и всегда по принципу признававшій огромную важность дѣятельности въ массахъ, тѣмъ не менѣе, во многомъ обнаружилъ далеко незаурядную систему дѣйствій. Политическій агитаторъ рано сказался въ немъ. Такъ, напримѣръ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи помощи славянамъ, разсчитывая, какъ разсказывалъ впослѣдствіи, на дѣлѣ возрожденія славянъ помочь политическому воспитанію самаго русскаго общества. Вообще, надо сказать, что этотъ мужикъ по своему происхожденію никогда не отвертывался отъ „общества", какъ дѣлало большинство отправлявшихся въ народъ. Русская революція представлялась ему не исключительно въ видѣ освобожденія крестьянскаго или даже рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще. Его взгляды въ этомъ случаѣ значительно расходились со взглядами большинства современной ему революціонной среды.

Онъ признавалъ, что крестьянская реформа была великимъ благомъ для народа. Правда, она ничего не дала и даже многое отняла у крестьянъ въ экономическомъ отношеніи. Экономически она не освободила ихъ, но нравственно несомнѣнно возвысила: гражданскій уровень поднялся, а это очень важно. Тѣмъ не менѣе, Желябовъ страшно ненавидѣлъ принципъ царизма. Власть неограниченная, безконтрольная была ему противна. Царя-патріарха, отца мужиковъ, онъ не понималъ и не вѣрилъ въ возможность существованія такого. Онъ глубоко убѣжденъ былъ, что такой царь непремѣнно будетъ деспотомъ вродѣ помѣщика. Добрыхъ намѣреній за правительствомъ, освободившимъ

крестьянъ, онъ никогда не признавалъ: „имъ нужно было увеличить свои доходы, имъ было выгоднѣе эксплуатировать крестьянъ самимъ и подорвать сравнительно сильный классъ дворянъ“ — вотъ въ его глазахъ мотивы освобожденія, и никакой благодарности къ правительству. Онъ говорилъ, что еще мальчикомъ, черезъ 5 лѣтъ по освобожденіи, онъ радовался каракозовскому выстрѣлу и чувствовалъ къ царю такую же симпатію, какъ къ господамъ.

Связи съ деревней Желябовъ не прерывалъ вплоть до того времени, когда окончательно скомпрометировался, т. е. до 1876 года (года два подрядъ). Здѣсь онъ находился, разумѣется, совершенно въ своей средѣ, между родными, знакомыми, какъ свой человѣкъ. Хозяйство онъ любилъ чрезвычайно и былъ способенъ погрузиться въ него до макушки. Онъ и впослѣдствіи не могъ равнодушно говорить о своихъ коняхъ, которыхъ самъ выхаживалъ, о своихъ поляхъ, о томъ, какъ шло его хозяйство. Въ это время Желябовъ сложился въ здороваго, крѣпкаго мужика, съ которымъ очень немногіе могли помѣряться силой. Работникъ онъ былъ отличный, хозяинъ, говорятъ, очень хорошій. Жена съ ребенкомъ жила при немъ же, отчасти помогая мужу своими заработками, какъ акушерка.

Семейныя отношенія, судя по разсказамъ Желябова, были у нихъ хороши. Онъ, вообще, не считалъ себя способнымъ привязаться къ женщинѣ всей душой. Но жену свою онъ все-таки любилъ и очень гордился ея привязанностью. Въ этомъ отношеніи у него, впрочемъ, совершенно сохранились воззрѣнія среды, изъ которой онъ вышелъ. Въ женѣ онъ видѣлъ не поэтическую любовницу, а мать семейства и товарища по хозяйству; въ бракѣ у него на первомъ планѣ рисовались опять не любовь, къ которой онъ относился довольно насмѣшливо, а семейныя обязанности, и къ этимъ обязанностямъ Желябовъ относился съ истинно мужицкимъ уваженіемъ. Даже въ 1879 году, рѣшаясь всецѣло отдаться революціонной работѣ, онъ сдѣлалъ это не прежде, какъ окончательно развязавшись со своими семейными дѣлами. Все это время Желябовъ, во всякомъ случаѣ, посвящалъ общественной дѣятельности лишь часть своихъ силъ и времени. Онъ дѣйство-

валъ въ обществѣ, студенчествѣ, въ народѣ, но оставался еще и хозяиномъ, и отцомъ семейства, и сыномъ. По всей вѣроятности, это происходило оттого, что онъ еще не совсѣмъ выработался, отчасти же можетъ быть, у него еще не накипѣло на душѣ настолько, чтобы кинуться въ политику всецѣло, махнувъ рукой на все остальное, на всю личную жизнь. 1877 годъ далъ значительный толчекъ выработкѣ Желябова.

Лѣтомъ этого года онъ былъ привезенъ изъ Крыма въ Петербургъ въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу 193-хъ. Онъ прибылъ въ домъ предварительнаго заключенія какъ разъ послѣ боголюбовской исторіи, черезъ нѣсколько дней, когда вся тюрьма находилась подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ этого возмутительнаго насилія, совершеннаго Треповымъ чуть не на глазахъ 150 политическихъ арестованныхъ. Безсильная злоба доводила людей до желтухи. Многіе твердо рѣшались убить, задушить или хоть исколотить Трепова, если удастся его встрѣтить въ своей камерѣ или гдѣ бы то ни было*). Разумѣется, злосчастныя прогулки, изъ-за которыхъ вышла вся исторія, были совершенно оставлены. Арестанты объявили, что они не пойдутъ гулять иначе, какъ всѣ вмѣстѣ, и не въ „загоны“ (какъ назывались клѣтки, выстроенныя во дворѣ Д. П. З. для одиночныхъ прогулокъ; клѣтки эти въ 10 шаговъ длины и отъ 1—4 шаговъ ширины); съ начальствомъ всѣ считали обязательнымъ обходиться грубо и дерзко, не пропуская безъ рѣзкаго отпора даже самаго справедливаго его требованія; добрая половина была въ такомъ состояніи, что ежеминутно изъ-

*) Генералъ, однако же, не показывался больше не только въ камеры, но и вообще въ Д. П. З.

Считаю долгомъ напомнить что боголюбовская исторія произошла не при полковникѣ Федоровѣ, который былъ въ отпуску, а при Курнѣевѣ. Федоровъ, конечно, скорѣе вышелъ бы въ отставку, чѣмъ исполнилъ приказъ Трепова. „О, эти проклятые холопы! Что имъ ни прикажи, они все сдѣлаютъ! Я знаю, что ты бы не допустилъ меня до этого“ — говорилъ самъ Треповъ Федорову. Федоровъ былъ человѣкъ строго легальный, иногда до формализма, но мягкій и по принципу уважающій личность. Онъ, дѣйствительно, не допускалъ ничего, способнаго оскорбить арестантовъ, и нѣсколько разъ подавалъ въ отставку, когда Треповъ черезчуръ грубо вмѣшивался въ дѣла Д. П. З. Вообще, за всѣ 2—3 года своего управленія Федоровъ держалъ себя, нужно отдать ему справедливость, какъ человѣкъ порядочный.

за какого-нибудь пустяка могла раскроить голову каждому, начиная отъ надзирателя и кончая управляющимъ.

Понимая это, начальство имѣло тактъ оставить арестантовъ въ покоѣ, предоставляя имъ перегорѣть, переболѣть эту страшную исторію. Тюрьма смотрѣла мрачно. Пѣсни, веселая болтовня черезъ окна смолкли, и раздавались только порой страстныя рѣчи о томъ, что уже послѣ такой исторіи никакое примиреніе съ правительствомъ палачей невозможно. Въ такую-то атмосферу попалъ Желябовъ прямо отъ своего семейства, отъ своихъ полей и коней, отъ всѣхъ радостей трудовой сельской жизни...

На другой день по прибытіи Желябова, надзиратель пришелъ узнать пойдетъ ли онъ гулять. Ничего не зная, Желябовъ замѣтилъ „странный вопросъ“ и отправился въ „загонъ“. Увидѣвъ гуляющаго, его спрашиваютъ изъ окна: „вы кто?“

Желябовъ!

— Политическій?

— Да,— „по процессу“.

— Зачѣмъ же вы гуляете? Мы не ходимъ гулять...

Удивленный Желябовъ, тѣмъ не менѣе, приказалъ отвести себя обратно въ камеру и тутъ только, вышедши къ окну, узналъ всѣ наши исторіи. Какъ они на него подѣйствовали, предоставляю судить каждому, кто зналъ эту страстную и гордую натуру. Въ средѣ тюремной Желябовъ сразу сталъ товарищемъ, вошелъ во всѣ интересы тюрьмы, хотя, разумѣется, не могъ играть большой роли. Когда наступилъ процессъ, тюремные вожаки, вродѣ покойнаго Муравскаго, подняли агитацію въ пользу отказа въ признаніи компетенціи Особаго Присутствія.

Но мнѣнія раздѣлились. Многіе считали болѣе выгоднымъ, напротивъ, говорить на судѣ, чтобы сдѣлать гласнымъ и свои убѣжденія и всѣ возмутительныя репрессаліи, которымъ правительство давало мѣсто, подавляя пропагаторское движеніе. Желябовъ, противъ котораго не было никакихъ обвиненій, стоялъ, однако, за „протестъ“. Какъ извѣстно, Особое Присутствіе рѣшило этотъ вопросъ очень скоро. Не пустивши въ залу засѣданій публики, искажая первые же отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ, оно, во-первыхъ, окон-

чательно взорвало подсудимыхъ, во-вторыхъ, убѣдило ихъ въ томъ, что самыя прекрасныя рѣчи и самыя правдивыя разоблаченія не выйдутъ на свѣтъ божій изъ темныхъ стѣнъ судебной залы. Раздѣленіе подсудимыхъ на группы было чистой насмѣшкой даже надъ своимъ собственнымъ правосудіемъ (смотрите объ этомъ печатное „заявленіе“ подсудимыхъ, редактированное Муравскимъ): оно окончательно показало, что судьи не только сами явились пѣшками, не стыдящимися даже признаваться въ томъ, что они еще воображаютъ превратить въ такихъ же пѣшекъ и подсудимыхъ...

„Протестъ“ раздался громкій, небывалый.

Въ массѣ 120 „протестантовъ“ находился и Желябовъ. По суду онъ былъ, однако, все-таки оправданъ, и въ январѣ 1878 года выпущенъ, просидѣвши всего около 7 мѣсяцевъ. Тюрьма сильно разстроила его здоровье, и немедленно по выпускѣ на волю онъ уѣхалъ домой.

Періодъ жизни Желябова съ весны 1878 по 1879 годъ мнѣ опять совершенно неизвѣстенъ. Онъ былъ, однако, въ это время очень дѣятеленъ, особенно къ веснѣ 1879 г. На югѣ онъ успѣлъ за это время сдѣлаться очень извѣстнымъ и вступилъ въ нѣкоторыя отношенія съ сѣверянами.

* * *

Въ это время соціально-революціонная партія находилась въ такомъ положеніи. Движеніе въ народѣ, крайне смутное, но съ преобладающимъ пропагаторскимъ направленіемъ („созданіе въ народѣ соціально-революціоной атмосферы“) замѣнилось агитаціоннымъ движеніемъ, которое вообще тѣсно связано съ народничествомъ, требовавшимъ въ массахъ такой дѣятельности, которая была бы основана на желаніяхъ и стремленіяхъ самого народа. Осуществленіе требованій массъ — таковъ былъ принципъ народничества, который у однихъ являлся и цѣлью, а у другихъ только средствомъ возбужденія народной революціи. Нельзя, однако же, сказать, чтобы народничество повсемѣстно остановилось на одной практической программѣ. Не ручаюсь за безусловную вѣрность моего мнѣнія, но думаю, что сѣверные народники осуществленіе народныхъ требованій признавали больше цѣлью, южные же больше средствомъ.

во всякомъ случаѣ практическая дѣятельность сѣверныхъ народниковъ выражалась, главнымъ образомъ въ мелкой агитаціи на почвѣ мужицкихъ нуждъ: борьба съ помѣщиками, съ администраціей и притомъ, по преимуществу, легальная, хотя въ теоріи сѣверяне нисколько не чуждались нелегальной борьбы, даже до самозванщины включительно. На югѣ наиболѣе выдающимся эпизодомъ народнической дѣятельности была именно самозванщина и попытки организаціи боевыхъ шаекъ, которыя должны были дать народу первый толчекъ въ борьбѣ съ помѣщикомъ и администраціей. Едва ли я ошибусь, если скажу, что возстаніе, доходившее до низверженія правительства, южанамъ рисовалось гораздо ближе и яснѣе, чѣмъ сѣверянамъ, у которыхъ оно уходило богъ знаетъ въ какую даль.

Въ 1877—1878 годахъ безчисленныя и глупо варварскія преслѣдованія правительства начинаютъ возбуждать въ соціалистахъ мысль объ отпорѣ. Отчасти это было естественнымъ чувствомъ мщенія, иногда — дѣломъ чистой самозащиты, какъ, напримѣръ, убійство шпіоновъ. Выстрѣлъ Засуличъ какъ будто прорвалъ плотину. Убійство шпіоновъ, жандармовъ, нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, вооруженныя сопротивленія — такъ и пошли одно за другимъ. Въ этомъ отношеніи иниціатива принадлежитъ опять южанамъ. „Терроръ“ гораздо болѣе созданіе юга, чѣмъ сѣвера.

Въ 1878 году уже былъ на югѣ элементъ, который началъ смотрѣть на терроръ не какъ на отместку, а какъ на средство борьбы. Это было мнѣніе немногихъ, но оно все-таки существовало. Я полагаю, что Валерьянъ Осинскій былъ главнымъ источникомъ этой теоріи. Отчаянныя головушки, вродѣ Ивичевичей, не понимали, почему нельзя терроризировать правительство и заставить его дать соціалистамъ свободу дѣйствій. „Вы, значитъ, конституціоналисты“, замѣчали имъ. „Вы признаете необходимость политической свободы?“ Валерьянъ Осинскій, конечно, не сталъ бы отпираться отъ этого, но „террористы“ отпирались: „намъ не нужно конституціи, намъ не нужны ихъ законы — пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой“. Здѣсь не мѣсто разбирать основательность этихъ мнѣній, но во всякомъ случаѣ именно на югѣ, и именно у терро-

ристовъ" явилась первая мысль о томъ, что для дѣятельности соціалистической необходима свобода, хотя бы „попущеніемъ начальства".

Въ организаціонномъ отношеніи сѣверъ издавна стоялъ гораздо выше юга. Задаваясь такими цѣлями, какъ самозванщина, терроризированіе правительства, и. т. д., и пробуя ихъ осуществлять, южане, однако, никогда не умѣли сорганизовать тѣ силы, которыя необходимы для этого. Личная свобода составляла тамъ священнѣйшій догматъ и не допускала сорганизовать что-нибудь большее, чѣмъ товарищескую шайку, конечно, способную на лихое предпріятіе, но уже никакъ ни на низверженіе правительства. Сѣверъ въ организаціи всегда обставлялся гораздо лучше. Поэтому онъ располагалъ и большими силами, и разбить ихъ было труднѣе.

Весною 1879 г. самой крупной организаціей въ Россіи, безъ сомнѣнія, была „Земля и Воля", имѣвшая нѣкоторые слабые отпрыски на югѣ, но цѣликомъ созданная сѣверомъ. Располагая собственной типографіей и газетой, имѣя, по крайней мѣрѣ, десятки тысячъ рублей, устраивая довольно солидныя поселенія въ 3—4 губерніяхъ, располагая, наконецъ, значительнымъ числомъ членовъ, сравнительно опытныхъ и энергичныхъ, этотъ кружокъ, сверхъ того, пользовался большой извѣстностью, а это въ революціонномъ дѣлѣ, можетъ быть, самое главное. Но среди самой организаціи было раздвоеніе.

Обстоятельства были такого рода. Правительство, раздраженное террористическими попытками, не только не ослабило, но еще болѣе усилило мѣры къ искорененію соціалистовъ. Оно усиливало полицію, умножало шпіоновъ; генералъ Дрентельнъ задумывалъ систему мѣръ къ „очищенію" столицы. Все это вызвало необходимость нѣкоторыхъ террористическихъ фактовъ. Такъ, напр., былъ убитъ шпіонъ Рейнштейнъ, который могъ погубить множество народа. Тѣми же побужденіями вызвано покушеніе на жизнь Дрентельна. Но, разумѣется, всѣ эти факты еще болѣе раздражали правительство. Становилось очевиднымъ, что изъ этой борьбы нѣтъ другого исхода, какъ или уничтоженіе соціально-революціонной партіи, или же политическій переворотъ. Становилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевиднымъ, что

политическій переворотъ невозможно произвести такими ничтожными мѣрами, какъ, напримѣръ, убійство Мезенцева, да и то производимыми не систематически, а какъ случится. Для людей, близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣла, было несомнѣнно, что какая бы то ни была дѣятельность въ пользу народныхъ массъ немыслима въ сколько-нибудь крупныхъ размѣрахъ при существующемъ государственномъ порядкѣ. Перемѣна же характера государства, т. е. политическій переворотъ задача страшно трудная, требующая всѣхъ силъ партіи, серьезной дѣятельности и крѣпкой дисциплинированной организаціи. Въ то время, когда „городская“ часть землевольцевъ приходила къ такимъ заключеніямъ „деревенская“ часть, т. е. всѣ, проживавшіе уже по году, по два въ деревнѣ, видя преслѣдованія правительства, напротивъ, приходили къ заключенію, что терроръ оказался вреднымъ, и его необходимо бросить, тѣмъ болѣе, что онъ увлекаетъ партію на путь политической дѣятельности и отвлекаетъ отъ задачъ въ народѣ.

Въ 1879 г. нѣкоторая часть землевольцевъ, убѣжденная, что при нашихъ условіяхъ игнорированіе политическаго элемента и уступка правительству, въ такъ или иначе завязавшейся борьбѣ, были бы равносильны самоубійству партіи,— начала нѣсколько измѣнять прежній характеръ дѣйствій. Лица, придерживавшіяся этого взгляда, скоро пришли къ убѣжденію въ необходимости измѣнить всю программу и довести свои силы до возможности оказывать сильное сопротивленіе правительству; если же оно не откажется отъ своей системы, то они рѣшились поставить государственный переворотъ прямою цѣлью партіи. Все это представлялось въ то время крайне непопулярнымъ новшествомъ, конституціонализмомъ и т. п. Поэтому новаторы принуждены были дѣйствовать очень осторожно. Они не теряли надежды, что вся „Земля и Воля“ окажется способной понять требованія времени, но надежды эти не могли быть велики, а поэтому они старательно разыскивали поддержку вездѣ, гдѣ было можно. Желябовъ былъ однимъ изъ людей, обратившихъ на себя ихъ вниманіе, и онъ дѣйствительно оказался ихъ единомышленникомъ, такъ что съ весны 1879 г. онъ уже былъ постояннымъ союзникомъ землевольческихъ „террористовъ“, какъ ихъ тогда очень неправильно называли.

Въ 1879 г. осенью, согласно уставу „Земли и Воли", долженъ былъ собраться общій съѣздъ землевольцевъ, для окончательнаго обсужденія дѣлъ и постановки практическихъ задачъ организаціи, впредь до слѣдующаго съѣзда. Для этого собранія выбранъ былъ Воронежъ, какъ мѣсто, куда дешевле всего было съѣхаться большинству членовъ. Новаторы очень желали воспользоваться съѣздомъ для окончательнаго упроченія реформы. Самые же рьяные охранители старой программы, напротивъ, надѣялись, что на съѣздѣ имъ удастся искоренить изъ „Земли и Воли" даже тѣ ростки новшества, которые успѣли туда проникнуть.

Въ виду такого положенія вещей, новаторы рѣшили за нѣсколько дней до Воронежскаго съѣзда собрать своей по близости, въ Липецкѣ, съ тѣмъ, чтобы взвѣсить силы и явиться въ Воронежъ уже съ ясно опредѣленной программой и съ полнымъ представленіемъ о томъ, насколько обстоятельства позволяютъ быть требовательными. Воронежскій съѣздъ былъ исключительно землевольческимъ. Липецкій съѣздъ организованъ, главнымъ образомъ, землевольцами-новаторами, по соглашенію съ нѣкоторыми сторонними лицами, въ томъ числѣ и Желябовымъ. Приглашены же были на съѣздъ люди изъ разныхъ мѣстъ и кружковъ, не имѣвшіе пока между собою ничего общаго, кромѣ сознанія необходимости измѣнить программу, въ смыслѣ усиленія въ ней политическаго элемента, организаціонной централизаціи и активной борьбы.

Желябовъ не былъ „землевольцемъ", точно такъ же, какъ не была ими большая часть приглашенныхъ въ Липецкъ. Понятно, что „воронежцы" ничего не знали о Липецкомъ съѣздѣ, который вообще былъ организованъ въ строгой тайнѣ, изъ опасенія, чтобы новое направленіе не встрѣтило отпора, прежде чѣмъ окрѣпнетъ. На съѣздъ приглашены были только тѣ изъ вліятельныхъ людей, которые уже раньше заявили себя сторонниками реформы.

Я считаю здѣсь необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно участія на съѣздѣ Гольденберга, такъ какъ онъ вообще сильно компрометируетъ съѣздъ, а въ частности и Желябова, бывшаго въ числѣ организаторовъ его.

Съѣздъ нуждался въ людяхъ вліятельныхъ. Гольденбергъ, какъ это ни странно, былъ чрезвычайно извѣстенъ. Разумѣется, никто не считалъ его умнымъ, но всѣ—и совершенно справедливо смотрѣли на него, какъ на человѣка вполнѣ честнаго, безусловно преданнаго своему дѣлу и, сверхъ того, чрезвычайно дѣятельнаго. Знакомства и связи Гольденберга были очень обширны, какъ это онъ доказалъ впослѣдствіи, выдавши сотни двѣ человѣкъ. Во многихъ мѣстностяхъ онъ былъ популяренъ, и множество очень умныхъ и хорошихъ людей были его личными друзьями. Недостатокъ Гольденберга былъ тотъ, что онъ, вообще, былъ довольно ограниченъ и непостояненъ: безпрерывно увлекался разными планами. Сверхъ того, онъ вообще отличался большимъ честолюбіемъ. Обсуждая теперь дѣло a posteriori, я все-таки не нахожу, чтобы приглашеніе такого человѣка и при такихъ условіяхъ, въ какихъ находились новаторы, было большой ошибкой. Безъ сомнѣнія, лучше было бы не приглашать его, но никакое предусмотрѣніе не могло указать въ приглашеніи его какой-либо особенной опасности, и тѣмъ не менѣе, все-таки на съѣздѣ большая часть присутствовавшихъ, присмотрѣвшись къ этому человѣку ближе, рѣшала держать его въ сторонѣ и выдѣлить изъ будущей партіи. Это сдѣлано было не потому, что кому-либо могла прійти въ голову невозможная мысль о Гольденбергѣ, какъ о предателѣ, а потому, что онъ, по своей ограниченности, не могъ ни понять, ни поддержать новаго направленія. Такимъ образомъ, Гольденбергъ и остался на будущее время при народовольцахъ, какъ союзникъ, рубака, террористъ, но о дѣлахъ партіи не имѣлъ уже больше никакого понятія*).

Скажу еще два слова о „предательствѣ“ Гольденберга. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что онъ не былъ, въ сущности, измѣнникомъ. Во-первыхъ, несомнѣнно, что онъ былъ храбръ, жизнью не дорожилъ, и впослѣд-

*) Мнѣ извѣстно, что во время петербургскихъ съѣздовъ участвовавшіе тамъ народовольцы отъ имени Исполнительнаго Комитета предупреждались не приглашать бывшаго въ то время въ Петербургѣ Гольденберга, а нѣкоторые изъ знакомыхъ его—по тому же предупрежденію—совершенно съ нимъ не видѣлись.

цы не могъ испугаться. Во-вторыхъ, онъ выдавалъ все и всѣхъ,—и себя, и свою невѣсту, которую очень любилъ, и личныхъ друзей, которымъ былъ многимъ обязанъ, и о которыхъ онъ могъ молчать безъ всякаго опасенія за милость начальства, такъ какъ оно о нихъ не имѣло и подозрѣнія. Измѣнники такъ не поступаютъ: у измѣнника есть разсчетъ, у Гольденберга его вовсе не видно. Поведеніе Гольденберга мнѣ объясняется гораздо проще. Прежде всего, онъ недалекъ отъ природы, а въ одиночномъ заключеніи совсѣмъ помѣшался, что видно даже изъ путаницы лицъ и событій въ его показаніяхъ. Во-вторыхъ, онъ крайне честолюбивъ. Слѣдователь, ведшій его дѣло, человѣкъ, очевидно умный, прекрасно воспользовался слабыми сторонами своего плѣнника. Онъ съ участіемъ выслушалъ всѣ горячія обвиненія Гольденбергомъ правительства въ томъ, что оно преслѣдуетъ истинныхъ друзей народа, притворяясь будто Гольденбергъ открываетъ ему Америку, и, наконецъ, началъ убѣждать Гольденберга, что правительство, безъ сомнѣнія, измѣнило бы систему, *если бы знало истинный характеръ партіи*. Очевидно, что прямая обязанность честнаго человѣка уничтожить такое страшное недоразумѣніе. Гольденбергъ воодушевляется. Предъ нимъ — *великое дѣло* и великая слава: онъ примиритъ партію съ правительствомъ и откроетъ для нея возможность свободной дѣятельности въ народѣ. Для этого нужно лишь убѣдить правительство въ томъ, что истинное желаніе партіи это мирная культурная работа въ народѣ, и что на борьбу ее вызываютъ лишь репрессаліи правительства. Съ этой цѣлью Гольденбергъ начинаетъ описывать всѣхъ извѣстныхъ ему дѣятелей; вотъ такой-то, положимъ, началъ съ мирной дѣятельности, правительство ему мѣшало, не давало возможности дѣйствовать, и онъ, доведши до ожесточенія, совершилъ такія-то и такія-то дѣянія. Такъ онъ изложилъ *біографіи* чуть не всѣхъ ему *извѣстныхъ лицъ*. А для того, чтобы не было даже тѣни сомнѣнія въ его искренности, онъ выложилъ всю душу, все, что могъ *вспомнить его больной мозгъ*, не щадя ни друзей, ни родныхъ, ни себя. Правда, онъ многое путаетъ, но путаница эта совершенно безцѣльна и, очевидно, происходитъ не преднамѣренно, а только потому, что фак-

ты и лица перепутались въ его помутившейся головѣ*).

Нѣкоторое время Гольденбергъ торжествовалъ. Но когда изъ него все выжали, обращеніе съ нимъ измѣнилось. Теперь уже ему не льстили, не говорили о примиреніи съ правительствомъ. Нѣкоторыя лица прокурорскаго надзора позволяли себѣ даже неосторожныя выходки. Встревоженный насмѣшливымъ обращеніемъ прокурора (другого уже), Гольденбергъ говоритъ: „Помните, г. прокуроръ, что если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы моихъ товарищей, я себѣ этого не прощу". „Уже не знаю насчетъ волосъ, —отвѣчалъ остроумный прокуроръ, ну, а что головъ много слетитъ, такъ это вѣрно". Вскорѣ послѣ этого разговора Гольденбергъ удавился.

Но возвратимся къ съѣзду. Роль Желябова на немъ была очень видная. Онъ неутомимо совѣщался и въ частныхъ разговорахъ и въ общихъ собраніяхъ, старался ознакомиться съ людьми, сговаривался, проводилъ собственные взгляды и т. д. Что касается этихъ взглядовъ, то ихъ можно срезюмировать слѣдующимъ образомъ: соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что при ихъ отсутствіи никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ „идейная борьба". Въ виду этого, мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ-нибудь такомъ, достиженіе чего давало бы прочное основаніе политической свободѣ, и стремленіе къ

*) Я допускаю преднамѣренную ложь только въ тѣхъ частяхъ показаній, гдѣ Гольденбергъ говоритъ о вещахъ, ему совершенно неизвѣстныхъ. Тутъ онъ прямо сочиняетъ, чтобы не сознаться въ своемъ незнаніи, чтобы не показать, что онъ, Гольденбергъ, можетъ чего-нибудь не знать!

чему могло бы объединить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности.

Такимъ основаніемъ нѣсколько позднѣе, какъ извѣстно, явилось „Учредительное собраніе“ и принципъ „Народной Воли“.

Порѣшивши утвердительно хотя въ довольно неопредѣленной формѣ этотъ вопросъ, съѣздъ перешелъ къ обсужденію того, какъ соціально-революціонная партія должна отнестись къ тѣмъ казнямъ, которыя, по всеобщимъ слухамъ, готовились въ видѣ отмести за 2-е апрѣля. Въ этомъ отношеніи мнѣнія Желябова были еще болѣе опредѣленны. Онъ доказывалъ, что, если партія хоть сколько-нибудь считаетъ своею цѣлью обезпеченіе правъ личности, а деспотизмъ признаетъ вреднымъ, если она, наконецъ, вѣритъ, что только смѣлой борьбой народъ можетъ достигнуть своего освобожденія, то тогда для партіи просто немыслимо безучастно относиться къ такимъ крайнимъ проявленіямъ тиранніи, какъ тотлебенскія и чертковскія расправы, иниціатива которыхъ принадлежитъ царю. Партія должна сдѣлать все, что можетъ; если у нея есть силы низвергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сдѣлать; если у нея хватитъ силы только наказать его лично, она должна это сдѣлать; если бы у нея не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но силъ хватитъ, безъ сомнѣнія, и силы будутъ расти тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать.

Въ такомъ духѣ говорилъ Желябовъ, и особенныхъ возраженій этому на съѣздѣ не было. Этотъ вопросъ былъ для всѣхъ ясенъ до очевидности, и дебаты только формулировали тѣ чувства, которыя все болѣе накипали въ это время на душѣ каждаго порядочнаго человѣка. Я и безъ того такъ много принужденъ говорить не о Желябовѣ, а о посторонихъ обстоятельствахъ, что не могу, разумѣется, обрисовывать роли и мнѣнія другихъ лицъ съѣзда. Замѣчу только, что нѣкоторыя лица указывали на терроръ, какъ на средство борьбы, даже какъ на единственное почти средство; нѣкоторые ставили задачей партіи достиженіе извѣстныхъ правъ, другіе народоправленіе, третьи захватъ власти самой партіей. Но, очевидно, что всѣ эти мнѣнія расходятся лишь въ оттѣнкахъ.

Третій вопросъ, подлежащій обсужденію, былъ вопросъ о типѣ организаціи. Желябовъ не былъ въ это время особенно ярымъ централистомъ, хотя признавалъ необходимость дисциплины и извѣстной степени подчиненія. Онъ только впослѣдствіи вполнѣ проникся организаціонными началами, выставленными вскорѣ „Народной Волей“. Поэтому его роль на съѣздѣ по данному вопросу не была яркой. Подъ вліяніемъ доказательствъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, съѣздъ порѣшилъ, однако, организаціонный вопросъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны.

Что касается задачъ практическихъ, то мимоходомъ замѣчу, что въ число ихъ не входила организація мести тирану. Относительно средствъ, которыми могла бы располагать партія въ этомъ случаѣ, велись, между прочимъ, частные разговоры, но и только. Самое рѣшеніе организаціоннаго вопроса съѣздомъ было таково, что практическое осуществленіе подобнаго дѣла возлагалось прямо на организацію. Сверхъ того, вопросъ зависѣлъ отъ поведенія правительства. Вообще, главнымъ дѣломъ участниковъ съѣзда было распространеніе и укрѣпленіе новой партіи, вслѣдствіе чего они торопились разъѣхаться. Нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ Желябовъ, должны были остаться по приглашенію землевольцевъ въ Липецкѣ до тѣхъ поръ, пока участники Воронежскаго съѣзда не вызовутъ ихъ туда (если окажется возможнымъ).

Въ Воронежѣ въ это время собралось уже много народу. Липецкіе землевольцы заставили себя ждать дня четыре, и нѣкоторые изъ съѣхавшихся въ Воронежъ, наскучивъ ждать, уѣхали даже обратно въ свои деревни, такъ какъ имъ угрожала опасность потерять тамъ занимаемыя ими положенія. Явившись, наконецъ, въ Воронежъ, „террористы“ первымъ вопросомъ съѣзда поставили принятіе новыхъ членовъ (все больше изъ бывшихъ въ Липецкѣ), участіе которыхъ было необходимо для того, чтобы кампанія содержала въ себѣ болѣе разносторонніе элементы. Съѣздъ, вообще, согласился, нѣкоторыхъ принялъ, въ томъ числѣ Желябова, который, такимъ образомъ, явился въ Воронежъ.

Воронежскій съѣздъ, вообще говоря, былъ очень безсодержателенъ. Нужно отдать справедливость его

участникамъ: громаднѣйшее большинство ихъ вполнѣ добросовѣстно старалось уяснить себѣ задачи времени. Но составъ съѣзда былъ такого рода, что рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, могло быть только компромиссомъ. Вся деревенская часть съѣзда, составлявшая большинство, во-первыхъ, слишкомъ сильно сохранила старое отвращеніе къ политикѣ, нѣкоторые же оказались даже вовсе не революціонерами и проводили мысль, что задача партіи — это селиться въ народѣ, знакомиться съ нимъ и затѣмъ вести въ его средѣ медленную культурную работу поднятія его умственнаго и нравственнаго развитія. Съ этими людьми, разумѣется, невозможно было столковаться, какъ бы они ни были хороши сами по себѣ. Желябовъ страшно злился. „Хороши ваши землевольцы, говорилъ онъ, и эти люди воображаютъ себя революціонерами!“ Желябовъ, какъ и нѣкоторые другіе, былъ такого мнѣнія, что разрывъ неизбѣженъ, и что не стоитъ даже оттягивать его. Онъ прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ, развилъ передъ съѣздомъ свою систему, свои взгляды, чѣмъ вызвалъ не малое изумленіе. „Да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ“, говорили правовѣрные соціалисты...

Желябовъ относительно конституціи держался такого мнѣнія, что она была бы очень полезна, что она облегчила бы возможность дѣйствовать, если не для „оффиціальныхъ соціалистовъ“, то для людей вообще, и тѣмъ помогла бы народу выдвинуть своихъ дѣятелей, которые не хуже насъ сумѣли бы опредѣлить нужды народа и осуществить ихъ. „Я знаю, говорилъ Желябовъ, много очень умныхъ, энергичныхъ, общественныхъ мужиковъ, которые теперь сторонятся отъ мірскихъ дѣлъ, потому что крупнаго общественнаго дѣла они себѣ не выработали, не имѣютъ, а дѣлаться мучениками изъ-за мелочей не желаютъ: они люди рабочіе, здоровые, прелесть жизни понимаютъ и вовсе не хотятъ изъ-за пустяковъ лишиться всего, что имѣютъ. Конституція дала бы имъ возможность дѣйствовать по этимъ мелочамъ, не дѣлаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дѣло. А потомъ, выработавши себѣ крупный общественный идеалъ, не туманный, какъ теперь, а ясный, осязательный, и, создавши великое дѣло, эти люди уже ни передъ чѣмъ не остановятся, станутъ тѣми героями, какихъ намъ показываетъ иног-

да сектантство. Народная партія образуется именно такимъ путемъ".

Большая часть съѣзда, однако, боялась разрыва. Особенно онъ страшнымъ казался для еще не оперившихся народовольцевъ (т. е., будущихъ). Поэтому товарищи убѣждали Желябова не ставить вопроса слишкомъ рѣзко. Онъ согласился, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вообще замолчалъ на собраніяхъ и занялся исключительно частными бесѣдами, стараясь склонить на свою сторону отдѣльныхъ лицъ. Особенно хлопоталъ онъ около Софьи Перовской, съ которой хотя и былъ знакомъ, но еще далеко не близокъ. Но Софья Перовская крѣпко стояла за свои взгляды, и не разъ Желябовъ говорилъ, пожимая, по обыкновенію, плечами: „Нѣтъ, съ этой бабой ничего невозможно сдѣлать".

Съѣздъ кончился компромиссомъ. Было рѣшено, что программа „Земли и Воли" остается неизмѣнной, но что активная борьба съ правительствомъ должна быть усилена, и что въ случаѣ казней „Земля и Воля" должна принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи тирана. Тенденціи „Земли и Воли" и „Чистка Земли и Воли", которыхъ обвиняли въ измѣненіи программы (и, по моему, совершенно справедливо) были признаны согласными со взглядами партіи. Поселенія въ народѣ рѣшено было сохранить.

Понятно, что эти рѣшенія совсѣмъ не удовлетворяли новаторовъ. Теперь энергическая дѣятельность становилась невозможной ни въ одну сторону. Единственная выгода, которую они пріобрѣтали, нѣкоторыя матеріальныя средства, которыя можно было пустить на живое дѣло. Всѣ ясно понимали неизбѣжность разрыва, если положеніе дѣлъ не измѣнится. Но у новаторовъ сохранилась надежда, что, при болѣе продолжительныхъ переговорахъ, при лучшемъ ознакомленіи съ дѣлами, если не всѣ, то большая часть консерваторовъ перейдетъ на ихъ сторону[1]). Во всякомъ случаѣ, разрывъ, при-

*) Эти надежды осуществились очень мало. Кое-кто, дѣйствительно, перешелъ на сторону новаго направленія, но вообще разрывъ сталъ неизбѣженъ. Приходилось дѣйствовать, приходилось устанавливать свою программу. Соглашеніе оказывалось невозможнымъ. Послѣ многочисленныхъ дебатовъ, послѣдній петербургскій съѣздъ „Земли и Воли" разрѣшилъ разрывъ кружка, а вмѣстѣ съ нимъ—и партіи. Желябовъ не участвовалъ ни въ этихъ собраніяхъ, ни на этомъ конгрессѣ.

енце не установившихся связяхъ и средствахъ, былъ для народовольцевъ крайне нежелателенъ.

Немедленно послѣ съѣзда „террористы“ разъѣхались въ Петербургъ, Одессу, Харьковъ, Кіевъ, Москву, чтобы воспользоваться временемъ и склонять повсюду людей партіи на свою сторону. Желябовъ былъ, по обыкновенію, очень дѣятеленъ. Онъ объѣхалъ Одессу, Кіевъ, Харьковъ. Здѣсь-то онъ произносилъ знаменитыя рѣчи, такъ-восхитившія Гольденберга. Къ слову сказать, Желябовъ говорилъ, дѣйствительно, хорошо. У него была, собственно, не совсѣмъ хорошая манера, какая-то книжная, профессорская. Отчеканивая ясно и раздѣльно слова, стараясь, чтобы всякое окончаніе, всѣ падежи были сказаны самымъ отчетливымъ образомъ. Желябовъ не пропускалъ ни одной запятой, ни одного двоеточія и часто употреблялъ причастія и дѣепричастія. Въ частномъ разговорѣ эта манера говорить производила нехорошее впечатлѣніе, но въ большой аудиторіи оказывалась очень выгодной. Сверхъ того, книжность оборотовъ рѣчи совершенно исчезала и стушевывалась, когда Желябовъ воодушевлялся. Онъ обладалъ также хорошимъ, звучнымъ, яснымъ голосомъ и неутомимою грудью. Несомнѣнно, что при нуждѣ онъ сумѣлъ бы говорить подрядъ цѣлый день. Мысль у него развивалась свободно. Онъ былъ ядовитъ и остроуменъ. Возраженія вообще не только не сбивали его, а даже помогали, подстрекали его мысль. Но особенно хорошъ бывалъ Желябовъ, если воодушевлялся и говорилъ въ патетическомъ тонѣ: о долгѣ передъ родиной, мести тирану или о чемъ-нибудь подобномъ. Тутъ онъ способенъ былъ дѣйствительно наэлектризовать слушателей и повести ихъ за собой, куда угодно. Однимъ словомъ, Желябовъ былъ недюжинный ораторъ. Такой талантъ, при нашихъ русскихъ условіяхъ, разумѣется, не можетъ имѣть примѣненія. Для того, чтобы говорить передъ десяткомъ студентовъ или дюжиной рабочихъ, не нужно быть ни Мирабо, ни Гамбеттой. Да и воодушевлять-то слушателей у насъ не къ чему, потому что некуда, не на что ихъ двинуть. Желябовъ не часто имѣлъ передъ собой аудиторію, способную воодушевить оратора, но когда это случалось, онъ всегда производилъ огромное впечатлѣніе.

Въ то время, когда народническая партія подыскивала себѣ новыя формулы, когда послѣ Воронеж-

скаго съѣзда начался рядъ собраній въ Петербургѣ, и произошелъ, наконецъ, полный разрывъ партіи на двѣ фракціи, — правительство начало рядъ безпощадныхъ казней, а Исполнительный Комитетъ порѣшилъ смерть Александра II, и началъ съ этой цѣлью организовывать, какъ извѣстно, цѣлый походъ. Я не знаю, когда сошелся Желябовъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, и какую роль онъ въ немъ дѣйствительно игралъ, но въ обществѣ и во всей своей дѣятельности онъ съ осени 1879 года фигурировалъ, какъ оффиціальный агентъ Исполнительнаго Комитета. Въ походѣ 1879 года Желябовъ игралъ очень важную роль. Она достаточно обнаружена политическими процессами, и мнѣ нечего касаться всѣмъ извѣстныхъ вещей. Планъ александровскаго покушенія былъ крайне дерзокъ, но эта дерзость — вполнѣ въ духѣ Желябова. Онъ на себя всегда очень надѣялся, точно такъ же, какъ старался выбрать и помощниковъ надежныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ рѣдко ошибался и умѣлъ расположить къ себѣ и сдѣлать надежнымъ даже нѣсколько шаткаго человѣка. Онъ умѣлъ быть атаманомъ, оставаясь товарищемъ: сотрудниковъ никогда не превращалъ въ простыя пѣшки, а, напротивъ, возбуждалъ ихъ иниціативу, и давалъ ходъ каждой хорошей мысли. Сверхъ того, онъ умѣлъ и самъ подчиняться. Поэтому онъ никогда не затруднялся въ наборѣ людей на порученное ему дѣло.

Планъ былъ дерзокъ: мины закладывались подъ носомъ сторожей, безъ всякаго прикрытія, кромѣ часовыхъ*). Но зато и успѣхъ казался несомнѣннымъ, такъ какъ малѣйшій толчекъ долженъ былъ сбросить поѣздъ въ пропасть. Неудача произошла лишь отъ случайно перерѣзанной проволоки, или отъ дурного качества запаловъ, и во всякомъ случаѣ — была совершенно неожиданна. Въ своей роли купца-заводчика Желябовъ былъ, разумѣется, неподражаемъ. Онъ, впрочемъ, и самъ очень увлекался новыми сограждан-

*) Однажды человѣкъ, поставленный Желябовымъ на сторожѣ, когда другіе работали, заснулъ, и Желябовъ засталъ его на мѣстѣ преступленія. Его негодованію не было предѣловъ. „На войнѣ за это разстрѣливаютъ! Ну, а что же мы съ тобой должны сдѣлать?“—грозно укорялъ онъ. Впрочемъ, этотъ человѣкъ былъ отмѣнный работникъ и отваженъ безгранично, и Желябовъ съ нимъ скоро помирился.

нами. Эти потомки запорожцевъ, среди которыхъ ему попадались фамиліи славныхъ казацкихъ воителей, заинтересовали его. Онъ отъ души дружился, пилъ и ѣлъ съ ними, занимаясь въ то же время своимъ дѣломъ. Онъ не разъ потомъ удивлялся, какъ это его съ товарищами никогда не взорвало: они перевозили динамитъ по самой тряской дорогѣ, сидя на немъ въ простой телѣгѣ, и еще гнали при этомъ лошадей во весь духъ. „А въ книжкахъ-то чего не понаписано, будто онъ отъ сотрясенія взрывается", смѣялись они.

Послѣ 19 ноября Желябовъ явился въ Петербургъ и принялся работать во всѣ тяжкія. Времена были не хороши: много народу погибло, много средствъ и связей пропало; измѣна Гольденберга заставляла перестраивать множество плановъ, перетасовывать множество людей. Въ этой организаціонной работѣ Желябовъ дѣйствовалъ отъ имени Исполнительнаго Комитета. Дѣла, къ которымъ Желябовъ былъ прикосновенъ впродолженіе этихъ двухъ лѣтъ, очень разнообразны. Онъ наблюдалъ, напримѣръ, за устройствомъ динамитныхъ мастерскихъ, хотя особенныхъ свѣдѣній по этой части у него не было, но въ общихъ чертахъ онъ изучилъ производство и могъ, во всякомъ случаѣ, отличить здѣсь практичное отъ непрактичнаго, могъ оцѣнить новую мысль. Оффиціально его роль при мастерскихъ была, впрочемъ, служебная, т. е. онъ доставлялъ туда все необходимое для дѣла. Затѣмъ Желябовъ въ разное время фигурировалъ въ качествѣ организатора во всевозможныхъ слояхъ общества, народа и партіи. Особенно распространяться объ этомъ предметѣ, къ сожалѣнію, невозможно. Но я скажу, что роль организатора это и была, по моему, настоящая роль Желябова, т. е. его самая сильная роль. Какъ человѣкъ боевой онъ былъ отваженъ, иногда даже любилъ поиграть опасностью, онъ былъ хладнокровенъ, владѣлъ нервами и т. п. Но, во всякомъ случаѣ, не мало было людей, не мало ихъ и есть, которые сравнятся, и даже превзойдутъ, Желябова-террориста. Но какъ организатора, выше его едва ли можно поставить кого-либо изъ извѣстныхъ мнѣ людей. Онъ умѣлъ сойтись съ человѣкомъ, умѣлъ и во-время уступить, и во-время показать характеръ, понималъ насколько можно доводить свою требовательность,

не рискуя изломать человѣка, или довести его до бунта. Онъ во всякомъ дѣлѣ могъ показать другимъ личный примѣръ, все хоть понемножку зналъ, все хоть понемножку могъ сдѣлать. Онъ умѣлъ опредѣлить цѣну человѣка, и уловить во всякой массѣ ту личность, которая составляла ея душу. Онъ, наконецъ, никогда не падалъ духомъ, и ни при какихъ обстоятельствахъ не терялъ вѣры въ побѣду своего дѣла и въ свои собственныя силы...

Желябовъ былъ очень самолюбивъ, цѣну себѣ онъ зналъ очень хорошо. Тѣмъ не менѣе, нужно сказать, что его самолюбіе рѣдко вредило ему какъ организатору. Оно, большею частью, проявлялось въ формѣ благородной гордости, которая не позволяетъ наступать себѣ на ногу, чѣмъ въ видѣ мелочнаго тщеславія. Первое свойство Желябовъ и не считалъ позоромъ и всегда говорилъ, что такъ и должно быть, что ни одинъ порядочный человѣкъ не долженъ позволять засѣдлывать себя. Но мелочныя проявленія самолюбія это былъ вѣчный врагъ Желябова, съ которымъ онъ боролся до мстительности, какъ святые съ чертомъ. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, едва ли это самолюбіе было такъ велико, какъ ему казалось. Видя, какъ Желябовъ при нуждѣ обуздывалъ себя, заставляя себя не обращать вниманія на обиду, видя, какъ онъ отъ всей души поступался собственной мыслью или планомъ въ пользу другого, видя, наконецъ, какъ онъ сближался, и искренно дружился съ людьми, которые были съ нимъ въ ссорѣ, но потомъ оказывались хорошими дѣятелями, нельзя не сказать, что, во всякомъ случаѣ, такое самолюбіе не опасно. Впрочемъ, эта внутренняя борьба, я думаю, скорѣе осталась отпечаткомъ юношескихъ лѣтъ, когда каждый человѣкъ отыскиваетъ въ себѣ какое-нибудь чудище. За послѣднее время своей жизни Желябовъ былъ такъ погруженъ въ свое дѣло, такъ хладнокровенъ даже къ дѣйствительнымъ обидамъ, что, надѣюсь, и самъ пересталъ сражаться съ собою. Вообще же это былъ такой человѣкъ, котораго нельзя было не полюбить при близкомъ знакомствѣ.

Добрый, способный войти въ положеніе каждаго, способный другимъ прощать безконечно больше, чѣмъ самому себѣ онъ невольно возбуждалъ къ себѣ сим-

натіи. Не даромъ его любило такое множество людей. По природѣ Желябовъ былъ крайне нервная, впечатлительная, увлекающаяся натура. Онъ привязывался со страстью ко всякому дѣлу, за которое брался. Онъ рѣдко могъ говорить безъ нервнаго возбужденія и даже не могъ усидѣть спокойно на одномъ мѣстѣ, а все бѣгалъ и жестикулировалъ. Но въ эту кипящую душу былъ опущенъ чрезвычайно трезвый разсудокъ и огромная воля. Онъ принуждалъ себя быть строго разсудительнымъ, и странно было видѣть, какъ онъ страстно, лихорадочно перебиралъ въ разсужденіи всѣ pro и contra, чтобы ничего не упустить. Выводъ получался большей частью такой же основательный, какъ при самомъ хладнокровномъ мышленіи. Но Желябовъ все-таки не довѣрялъ себѣ и всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ выслушивалъ и обсуждалъ всякое чужое мнѣніе и безъ малѣйшаго колебанія принималъ его, если оно оказывалось вѣрнымъ. Въ этомъ отношеніи у него не было никакого лицепріятія.

Работалъ онъ по необходимости страшно много, потому что нужно было работать. У него по цѣлымъ мѣсяцамъ не бывало буквально свободной минуты. За послѣднее время жизни онъ до того уже надорвалъ себя, что не разъ падалъ въ обмороки, тщательно скрывая этотъ упадокъ силъ, не спалъ, несмотря ни на какую усталость, и цѣлыя ночи проводилъ въ какомъ-то фантастическомъ забытьи, съ грезами, съ разговорами, утомляясь за ночь такъ, что дневная работа казалась потомъ ему отдыхомъ. Не нужно забывать, что это происходило съ здоровякомъ и силачемъ, какихъ мало. Близкимъ друзьямъ онъ сознавался, что ему необходимъ отдыхъ, иначе онъ не выдержитъ еще и полугода, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда наконецъ исполнится его послѣдняя обязанность (ему, какъ извѣстно, опять было поручено дѣло 1 марта), и онъ уѣдетъ куда-нибудь въ деревню отдыхаться*).

Понятно, что лучшаго образчика никто изъ организуемыхъ не могъ себѣ представить. Всѣ подтягивались, всѣ старались напрягать послѣднія свои силы, видя передъ собой такого вожака, и около Желябова

*) Все это относится только къ послѣднимъ 2—3 мѣсяцамъ его жизни. Понятно, что такой атлетическій организмъ подался лишь очень нескоро.

сами собой выростали, люди готовые на все. Этихъ „птенцовъ гнѣзда петрова“ вышло немало, немало ихъ уже и погибло. Назову, между прочимъ, высокодаровитаго юношу К., буквально заморившаго себя работой (недавно умеръ), назову Гриневицкаго, Окладскаго, Михайлова (Тимофея); могъ бы назвать еще дюжину людей, изъ которыхъ одни по лѣтамъ много старше самого Желябова.

Организаціи рабочихъ, и спеціально рабочихъ террористическихъ дружинъ, посвящено было много силъ Желябова. Имъ же основана и отчасти ведена „Рабочая Газета“. Писалъ Желябовъ довольно плохо, хотя разсказывалъ превосходно. Онъ не могъ сладить съ мыслью, которая бѣжала гораздо шибче, чѣмъ перо. Но по нуждѣ могъ все-таки писать и писалъ. Рабочимъ дѣломъ онъ занимался чрезвычайно внимательно, „я, говаривалъ онъ, рожденъ демагогомъ. Мое настоящее мѣсто на улицѣ, въ толпѣ рабочихъ“.

Несмотря на такое мнѣніе о себѣ, Желябовъ съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ между молодежью и въ разныхъ общественныхъ сферахъ. Онъ исполнялъ также нѣкоторыя дипломатическія миссіи. Его участіе въ дѣлѣ 1 марта слишкомъ извѣстно, для того, чтобы о немъ еще упоминать.

Въ личной жизни Желябова за то время слѣдуетъ отмѣтить одинъ фактъ. Онъ близко сошелся съ Софіей Перовской и около году жилъ съ ней, какъ съ женой. Желябовъ вообще нравился женщинамъ и въ старые годы имѣлъ немало „приключеній“. Но Софія Перовская была для него дѣйствительно „женой“ и въ его смыслѣ, а я уже говорилъ, какъ серьезно онъ смотрѣлъ на это дѣло. Онъ очень уважалъ умъ и характеръ С. Перовской и въ дѣлахъ смотрѣлъ на нее, какъ на одного изъ лучшихъ товарищей. Собственно говоря, въ такомъ положеніи, въ какомъ находились оба они, довольно смѣшно говорить о супружескомъ счастьѣ. Вѣчное безпокойство не за себя, а за другого, отравляетъ жизнь, безчисленныя дѣла и дѣлишки, превышающія въ общей сложности силы человѣческія, не даютъ подчасъ и слова сказать, особенно со своимъ человѣкомъ, съ которымъ не „нужно“ говорить (съ чужимъ говорится хоть по обязанности, а свой и такъ обойдется). Серьезное чувство едва ли

способно при такихъ условіяхъ дать что-нибудь, кромѣ горя. Но на Желябова съ женой иногда все-таки было пріятно взглянуть въ тѣ минуты, когда „дѣла“ идутъ хорошо, когда особенно охотно забываются непріятности. Особенно она: ея чувство было безгранично глубоко, и только такая натура, какъ у Софіи Перовской, способна вынести его, не утративши другихъ, гражданскихъ, чувствъ.

Заваленный работой, Желябовъ любилъ, однако, повеселиться. Онъ вообще понималъ прелесть жизни. Это была натура поэтическая, чуткая къ прекрасному, всецѣло отдающаяся жизни. Разъ, напримѣръ, онъ съ однимъ товарищемъ былъ на крайне важной сходкѣ, далеко отъ Петербурга. Проговоривши нѣсколько часовъ, изможденный и усталый, Желябовъ отправился въ Петербургъ поздно ночью. На утро явился и его товарищъ, думавшій застать Желябова крѣпко спящимъ. Каково же было его изумленіе, когда онъ засталъ Желябова глубоко погруженнымъ въ чтеніе „Тараса Бульбы“. Оказалось, что, легши въ постель, онъ снялъ машинально книгу съ полки—и зачитался до самаго дня. Да и потомъ, оторванный отъ книги, онъ еще цѣлый часъ не могъ говорить ни о чемъ кромѣ Тараса...Природа для него была полна чарующей прелести, и онъ каждую свободную минуту готовъ былъ забраться куда-нибудь на Неву, на взморье, на широкій, безграничный просторъ. Музыку Желябовъ любилъ до страсти. Любилъ развернуться и просто въ весельи, въ добромъ товарищескомъ кружкѣ. Рѣдко выпадали такіе случаи. Но когда выпадали Желябовъ былъ душой общества. Онъ именно имѣлъ право сказать:

Когда въ дѣлахъ я отъ веселья прячусь,
Когда дурачиться дурачусь...

Рѣдки были эти минуты. Казни страшнымъ кошмаромъ давили каждаго. Такіе близкіе, часто такіе дорогіе, люди, погибаютъ одинъ за другимъ, а всѣ попытки отомщенія остаются каждый разъ неудачны. Словно какая-то невидимая рука спасаетъ тирана отъ всѣхъ усилій. Чего только не перепробовано, и все напрасно. Чувство безсильной злобы, словно десятипудовая гиря, давитъ васъ, вы начинаете терять вѣру въ справедливость, теряете всякую привязанность къ жизни, гдѣ беззаконіе, повидимому, составляетъ основной законъ.

Тутъ ужъ не до веселья, когда на свѣтъ божій становится противно глядѣть.

Однако же, выпадали и беззаботныя минуты. За весь годъ, предшествовавшій 1 марту, я помню только одинъ вечеръ такого беззаботнаго веселья. Это было подъ новый годъ (1881). Въ это время уже стало извѣстно, что предпринятъ новый походъ противъ Александра II, и на этотъ разъ всѣми силами. Подробности, даже въ общихъ чертахъ, были извѣстны лишь немногимъ участникамъ, и мы не знали даже, кто эти участники. Но потребность отвести душу была такъ сильна, что какъ-то само собою вѣрилось въ успѣхъ... Не знаю, кто задумалъ этотъ вечеръ, но Желябовъ былъ тамъ главный распорядитель. Приглашенные явились богъ знаетъ куда, на край города. Погода стояла убійственная: вѣтеръ, метель. Но внутри было шумно. „Господа, сегодня вечеръ безъ дѣлъ“ предупреждали распорядители каждаго, и дѣйствительно просто не давали пикнуть о „дѣлѣ“. Въ первыя минуты странно было: о чемъ же говорить, что дѣлать? Въ головахъ кромѣ „дѣлъ“ такъ давно ничего не было. Но скоро все обошлось... Заботливая хозяйка заготовила всякое угощеніе. Гости тоже понапосили, кто бутылку вина, кто пирогъ, кто еще что-нибудь. Желябовъ превзошелъ себя. Онъ появлялся во всѣхъ комнатахъ, поддерживалъ разговоръ, не допускалъ оставаться задумчивою ни одной физіономіи, угощалъ, затѣвалъ пѣсни, танцы, заставлялъ каждаго развертывать свои таланты...

Памятный вечеръ! Здѣсь были, между прочимъ, Кибальчичъ, Николай Саблинъ, Желябовъ, Софья Перовская и еще десятка полтора лицъ. На всѣхъ напало какое-то страшное веселье. Многіе знали, что навѣрное не выйдетъ уже въ жизни другого такого вечера. Господи, какъ только мы не дурачились! Николай Саблинъ, неподражаемый разсказчикъ, морилъ насъ со смѣху своими анекдотами. Стали пѣть. Давно ужъ не пѣвали радикалы! Дружно раздалось:

Звучитъ труба призывная,
Съ радостью въ бой мы идемъ...

Пѣли и безъ тенденціи. Потомъ стали танцевать, пародируя „настоящій“ балъ. Желябовъ торжественно открылъ балъ и затѣмъ ни пропустилъ ни одной дамы. Танцы начались кадрилью и лансье, а закончились

ужасающимъ трепакомъ. Желябовъ и Саблинъ оба замѣчательно танцевали, такъ что, несмотря на то, что девять десятыхъ Петербурга было въ этотъ моментъ пьяно-распьяно, нижніе жильцы все-таки пришли узнать, что это такое у насъ происходитъ. Веселый ужинъ съ тостами за революцію, за смерть тиранамъ и т. д. заключилъ нашъ вечеръ и затянулся до бѣлаго дня. Со многими изъ бывшихъ здѣсь я уже на-вѣки простился....

Никто не веселился въ подобныхъ случаяхъ искреннѣе и беззавѣтнѣе Желябова. Глядя на него въ эти минуты, можно было подумать, что у этого человѣка нѣтъ на душѣ ни одной тяжелой мысли, ни одной тяжелой заботы. И онъ дѣйствительно забывался...

А между тѣмъ черныя, какъ ночь, думы такъ и кружились вокругъ его головы, но не имъ было покорить эту буйную головушку. Желябовъ ихъ гналъ прочь. Никогда не допускалъ онъ себя погружаться въ уныніе. „Ну, это ничего. Что-жъ дѣлать! Теперь будемъ поправлять“— вотъ какими словами онъ встрѣчалъ каждый ударъ, каждую неудачу. Даже то страшное разстройство физическихъ силъ, о которомъ я говорилъ, не пугало Желябова, скихъ по крайней мѣрѣ, не лишало его бодрости. Его вѣра въ успѣхъ революціоннаго дѣла была несокрушима. „Это пустяки: люди найдутся. Мы погибнемъ, другіе будутъ“, повторялъ онъ. Правда, что это говорилось отчасти для ободренія другихъ, но вѣдь и ободрять можетъ только тотъ, кто самъ не терялъ бодрости и вѣры.

Великій примѣръ давалъ и даетъ этотъ человѣкъ всѣмъ, знавшимъ его. Глубоко сожалѣю о своемъ безсиліи воспроизвести хоть сколько-нибудь достойнымъ образомъ эту рѣдкую личность, но, можетъ быть, разсказанное мною послужитъ впослѣдствіи хоть матеріаломъ для великаго художника, который сумѣетъ воскресить намять мученика, чтобы онъ, какъ живой, всталъ передъ своими духовными потомками, такъ же, какъ при жизни ободряя ихъ, такъ же призывая къ великимъ дѣламъ, такъ же говоря ихъ душѣ своимъ пламеннымъ языкомъ

О если бъ я пролить въ васъ могъ
Огонь, что насъ палилъ и жегъ,
Чтобъ всякъ изъ насъ душою ожилъ
И хоть одну минуту прожилъ,
Какъ дѣды прожили вѣка...

Студенческіе годы

Андрея Ивановича Желябова.

(Конецъ 60-хъ и 70-хъ годовъ).

...Когда вспомнишь теперь, сколько огня безрасчетно расходовалъ тогда Андрей Ивановичъ на пустыя, въ сущности, дѣла по студенческой кассѣ, кухмистерской, библіотекѣ, студенческому суду и т. п., — жалко становится, отчего эта богатая сила не сразу нашла себѣ свободный исходъ и широкое поле. Но тогда думалось иначе, смотрѣлось иными глазами. Такимъ же порывистымъ и нервно подвижнымъ былъ Андрей Ивановичъ не только въ особенныхъ случаяхъ, но и въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ. Качается ли онъ съ тобой на качеляхъ въ саду у знакомыхъ, ужъ тутъ держись: всѣ силы положитъ на то, чтобы раскачать такъ, что вотъ-вотъ, кажется, перелетишь черезъ поперечную балку, а запросишь пардону — перестанетъ. Танцуетъ ли на импровизированной студенческой пирушкѣ, страшно становится за участь дамы и неловкой пары, которая столкнулась бы на дорогѣ. Поетъ ли, обыкновенно нѣсколько приподнявши правую ногу и руку, вмѣстѣ съ другими непризнанными пѣвцами свои любимыя пѣсни: „Хата моя рубленая“, „Тыхо Дунай воду несе“, „Вiють вiтри ще й буйнесеньки“, можно было напередъ сказать, что если въ тактѣ и тонѣ надѣлаетъ непозволительные промахи, зато ужъ усердіемъ превзойдетъ весь хоръ.

Жилъ онъ тогда стипендіей А., которая высылалась крайне неисправно, и, наконецъ, совершенно прекратилась, за отказомъ А. исполнить духовное завѣщаніе

своего мужа; поэтому Андрей Иванович бѣдствовалъ порядкомъ. Коротенькій и узенькій сюртучекъ съ Греческаго базара съ коротенькими рукавами и способностью лопаться подъ мышками чуть не на третій день послѣ покупки, такіе же коротенькіе съ вытянувшимися колѣнками панталоны, порыжѣвшее и сильно потертое пальтишко, войлочная студенческая шляпа и нѣтушкомъ вотъ невзмѣнный нарядъ Андрея. Питался онъ въ студенческой кухмистерской едва ли не одинъ сухомъ. Уроковъ тогда, кажется, не имѣлъ никакихъ. Крайне деликатный по отношенію къ другимъ, не знавшій мѣры своимъ услугамъ и одолженіямъ для тѣхъ, кто въ нихъ нуждался, каждую минуту готовый броситься въ огонь и воду за товарища и друга, неистощимо терпимый къ маленькимъ слабостямъ своихъ знакомыхъ, онъ мгновенно преображался и вспыхивалъ зловѣщимъ огнемъ, когда слышалъ обидную насмѣшку или грубость нахала. Откуда бралась и желчь и остро-язвительный сарказмъ и грозные жесты! Остроумный вообще въ шуткѣ, въ этихъ случаяхъ онъ былъ чрезвычайно и мѣтко язвительнымъ. Невольно сказывалась суровая и рѣзкая натура кацапа. Разъ возникшее чувство, будь то гнѣвъ или симпатія, не скоро проходило, особенно чувство дружбы и благодарности: нуженъ былъ цѣлый рядъ жестокихъ ударовъ, чтобы разрушить ихъ.

До 1870 года онъ, хотя и увлекался еще студенческими дѣлами, но не могъ, однако, не замѣтить подъ конецъ, что это ужъ очень мелко, тѣмъ болѣе, что значительная часть студенчества не принимала въ нихъ никакого участія и только пассивно мирилась съ ними. А для Андрея необходимы были, какъ вода для рыбы, сильное движеніе, кипучая борьба, широкая перспектива самоотверженной гражданской дѣятельности, благородный рискъ. Кропотливая, хотя и полезная работа трудолюбиваго муравья была совершенно не въ его натурѣ; онъ измучился бы и зачахъ надъ нею. Дайте ему удочку въ руки и посадите на бережку выуживать рыбку за рыбкой, засадите за перенлетный станокъ ассоціаціонной мастерской, заставьте исполнить роль полезнаго учителя, терпѣливо насаждающаго добрыя сѣмена въ молодыхъ душахъ, онъ съ ума сойдетъ отъ тоски, хотя и будетъ рутать себя всячески

за отсутствіе терпѣнія и выдержки; но бросьте его въ водоворотъ революціонной борьбы, поставьте у смертельно-опаснаго дѣла, которымъ можно сдвинуть „святорусску“ съ ея пережавѣвшихъ и перегнившихъ устоевъ, онъ счастливъ, онъ, ни на минутку не задумавшись, сложитъ, въ случаѣ надобности, свою буйную голову, лишь бы дѣло восторжествовало. Не поощрять, а, напротивъ, сдерживать нужно было этотъ неукротимый пылъ самопожертвованія. Когда, бывало, перевезетъ кто-нибудь изъ Петербурга или вышлетъ изъ-за границы опасную кладь, которая, вдобавокъ, по вѣрнымъ извѣстіямъ, выслѣжена и зорко оберегается шпіонами, и всѣ отказываются итти получать ее по накладной или отъ контрабандиста, одинъ Андрей рискуетъ собою и, благодаря своей „счастливой звѣздѣ“, о которой онъ часто вспоминалъ въ шутку, какъ-то умѣетъ доставить посылку по назначенію. Затѣвалось ли освобожденіе арестанта изъ тюрьмы, препровожденіе бѣглеца за границу или другое какое-либо опасное дѣло, — всегда во главѣ его и на самомъ рискованномъ посту стоялъ Андрей. Рядовымъ онъ никогда не могъ стать — если бы и пожелалъ, всѣмъ складомъ натуры своей онъ былъ герой, предводитель. О честолюбіи, или, лучше сказать, главолюбіи, которое могло бы заставить другого въ его положеніи добиваться перваго мѣста, здѣсь не можетъ быть и рѣчи, потому что если оно и было у него въ извѣстной долѣ (чего мы не намѣрены отрицать, предпочитая панегирику безпристрастную и правдивую характеристику), то отнюдь не это создавало ему роль предводителя (тѣмъ болѣе, что нигдѣ, даже справедливыя притязанія на предводительскую роль не встрѣчаютъ такого мнительнаго отношенія и часто такого враждебнаго отпора — какъ между русскими соціалистами-революціонерами), а именно его героизмъ — результатъ столько же нравственныхъ качествъ, какъ и темперамента.

Въ 1870 году возникло нечаевское дѣло. Соціальное и политическое переустройство Россіи; близость народной революціи; революціонные кружки молодежи, густою и таинственною сѣтью покрывшіе всю Русь и подготовляющіе близкую уже катастрофу; жизнь и смерть для народа и за народъ; университетская молодежь въ передовыхъ рядахъ движенія, — вотъ какая

исполинская ширь открывалась вдругъ съ этимъ дѣломъ передъ глазами Андрея, уже начинавшаго тосковать среди дрязгъ домашнихъ, студенческихъ интересовъ и дѣлъ. Стоитъ ли напоминать, что съ этой минуты Андрей всецѣло примкнулъ душой къ русской революціи. Что было до сихъ поръ однимъ настроеніемъ, склонностью, невыяснившимся чувствомъ, въ вразбродъ направлявшимся гуманнымъ порывомъ, то вдругъ стало превращаться въ непоколебимое убѣжденіе, въ ясно сознанный долгъ передъ народомъ и собственной совѣстью, въ цѣльную программу революціонной дѣятельности, лозунгомъ которой было жизнь и смерть за соціальное и политическое освобожденіе русскаго народа. Нечаевское дѣло не создало изъ Андрея революціонера, потому что онъ былъ уже имъ и до этого дѣла всѣми своими симпатіями и натурой; оно только практически сформировало существующее, сконцентрировало силы и направило бурный потокъ, разбѣгавшійся ручьями, по одному руслу. Нужно ли было, напримѣръ, зарождать и воспитывать демократизмъ и любовь къ народу въ крестьянскомъ сынѣ, испытавшемъ крѣпостную палку и сословную несправедливость, никогда не порывавшемъ живой связи съ семьей и съ родной деревней, которая съ гордостью слѣдила за его блестящими успѣхами, нужно ли это было особенно въ такое время и въ такой средѣ, гдѣ званіе—„крестьянскій сынъ“ окружалось полу-мистическимъ ореоломъ? Нужно ли было въ „рыцарѣ безъ страха и упрека“, до крайности отзывчивомъ на голосъ всего обиженнаго и угнетеннаго, подогрѣвать участіе къ страданіямъ народа русскаго? Конечно нѣтъ! Но сказать ему, что онъ не одинокъ будетъ въ бою, что онъ найдетъ товарищей, готовый опытъ и крѣпкую организацію, дать практическій исходъ его народолюбію, уже начавшему, вслѣдствіе отсутствія практики превращаться въ сентиментальную расплывчатость, протрубить боевой сигналъ къ аттакѣ, все это нужно было сдѣлать. И, по нашему мнѣнію, нечаевское дѣло произвело именно такой эффектъ на Андрея.

Но никакихъ слѣдовъ революціонной организаціи въ то время въ Одессѣ еще не было; нельзя было найти даже отдѣльныхъ лицъ, которыя помогли бы завязать сношенія съ партіей дѣйствій. Оставалось са-

мому создать организованную партію, по образцу и духу нечаевской. И Андрей взялся за это, начавши рекрутировать свою армію, конечно, изъ близкой ему студенческой среды. Но студенчество разбрелось, кто въ лѣсъ, кто по дрова, апатически баклушничало, ограничивалось невѣсомыми симпатіями либеральнаго характера и крѣпкими словами по адресу Каткова, Толстого и III Отдѣленія. Этого было слишкомъ мало. Чтожъ оставалось дѣлать? Взбудоражить студенчество какимъ-нибудь общимъ дѣломъ, наэлектризовать какою-нибудь одною гуманною идеею, доступною пониманію и сочувствію даже послѣдняго олуха, и создать, такимъ образомъ, дѣятельный протестанскій духъ, поддерживаемый рядомъ болѣе или менѣе побѣдоносныхъ сраженій со всякаго рода начальствомъ. Намѣтить и сформировать послѣ этого кадры партіи дѣйствія было бы нетрудно. Въ поводахъ для такихъ попытокъ недостатка не могло быть. Извѣстный своимъ высокомѣріемъ, нахальствомъ и грубостью профессоръ славянскихъ законодательствъ Богишичъ оскорбилъ въ аудиторіи одного студента. Проучить нахала и безъ того нужно было, имѣя полное основаніе разсчитывать на поддержку, по крайней мѣрѣ, большинства студентовъ, а тутъ еще подосиѣли и упомянутыя высшія соображенія, и Андрей живо ухватился за поводъ. Исторія разыгралась мигомъ: на другой день въ сборномъ залѣ раздались, при входѣ Богишича, оглушительные свистки, и, конечно, на самомъ видномъ мѣстѣ красовался Андрей, и свисталъ, какъ извозчикъ. Вечеромъ въ тотъ же день состоялась бурная сходка, подъ предсѣдательствомъ Андрея, а на слѣдующій юридическая аудиторія, гдѣ долженъ былъ читать Богишичъ, была переполнена возбужденными студентами всѣхъ факультетовъ и при входѣ проректора-миротворца, раздался потрясающій крикъ: „долой Богишича!“ И здѣсь Андрей, очень неблагоразумно, съ точки зрѣнія намѣченнаго заранѣе плана, выдавался впередъ, вскакивалъ на каѳедру, чуть не столкнувши оттуда проректора, затѣвалъ ожесточенный споръ съ набѣгавшимъ по временамъ въ аудиторію разнымъ начальствомъ, протестовалъ отъ имени всего студенчества и, вообще, велъ себя такъ, что для всякаго младенца ясно становилось, что авторъ и душа исторіи — онъ. Такова же была его роль на всѣхъ

послѣдовавшихъ затѣмъ сходкахъ, гдѣ онъ оставался безсмѣннымъ предсѣдателемъ; такъ же велъ онъ себя послѣ закрытія университета и на университетскомъ судѣ, гдѣ говорилъ, какъ строгій судья, а не какъ оправдывающійся обвиняемый. Удивленіе и симпатіи къ нему послѣ этого стали общими, даже судьи громко хвалили честную и открытую душу Желябова, но главное-то дѣло, въ сущности, было ужъ проиграно. Слишкомъ цѣльна была его натура, чтобы выдержать до конца двойственную роль, и слишкомъ великъ былъ боевой пылъ, чтобы можно было въ пору унять его. Онъ исключенъ на годъ изъ университета, высланъ въ Керчь, цѣлый годъ изнываетъ тамъ и терпѣтъ крайнюю нужду. По возвращеніи въ Одессу, въ университетъ, противно постановленію и обѣщаніямъ его не приняли; и онъ сталъ однимъ изъ тѣхъ вольныхъ людей безъ пристанища, которыми такъ богато послѣднее десятилѣтіе. Къ этому же времени относится знакомство Андрея съ нѣкоторыми ветеранами революціи, усвоеніе программы мирной пропаганды среди народа и начало формальныхъ связей съ дѣятелями той партіи. Но жить между тѣмъ чѣмъ-нибудь нужно было, а уроковъ не было; кромѣ того онъ еще былъ слишкомъ на виду у полиціи и связанъ своимъ шумнымъ недавнимъ прошлымъ, такъ что принять видное участіе въ выполненіи едва назрѣвавшихъ плановъ партіи пока не могъ.... И вотъ онъ рѣшается заставить забыть о себѣ: принимаетъ кстати подвернувшееся предложеніе одного херсонскаго помѣщика Я. поступить къ нему домашнимъ учителемъ и уѣзжаетъ на годъ въ К. Незнающіе Андрея могутъ подумать, что здѣсь онъ, первымъ дѣломъ, постарается обработать своихъ учениковъ въ партійно-революціонномъ духѣ. Нѣтъ, онъ неизмѣнно держался здѣсь, какъ и вездѣ въ такихъ случаяхъ, того правильнаго взгляда, что въ дѣтяхъ, кромѣ научныхъ свѣдѣній, слѣдуетъ развивать только основныя правила честности и гуманности, подъ которыми охотно подписался бы всякій просто хорошій человѣкъ, о дѣлахъ же и цѣляхъ партіи говорилъ только со взрослыми и правоспособными людьми. Возвратившись въ 1872 году въ Одессу, Андрей всей душой примкнулъ къ все еще формировавшейся партіи движенія въ народъ и, какъ слѣдовало ожидать, сталъ

самымъ активнымъ ея членомъ. Интересно, кажется, будетъ отвѣтить здѣсь на вопросъ: могла ли мирная соціалистическая пропаганда среди народа стать дѣломъ всей жизни Андрея и вполнѣ удовлетворить его? Когда онъ приступалъ къ дѣлу, когда исполнялъ какое-нибудь опасное предпріятіе, требовавшее напряженія всѣхъ силъ, когда спорилъ и убѣждалъ другихъ, онъ искренно вѣрилъ, что другой цѣли у честнаго и дѣятельнаго друга народа и другого пути, кромѣ пути мирной соціалистической пропаганды, быть не можетъ; но мы, оглядываясь на его характеръ, нѣсколько очерченный нами выше и на его послѣдующую дѣятельность, должны дать другой отвѣтъ. Мирно-пропагандистская программа дѣйствій среди народа могла безусловно удовлетворить Андрея только одной своей стороной, тѣмъ, что она говорила: единственная твоя цѣль должна быть счастье обездоленнаго, чернаго, вдвойнѣ родного тебѣ народа; единственный путь достиженія этой цѣли — черезъ народъ, черезъ сліяніе съ нимъ; это вмѣстѣ съ тѣмъ самое надежное и радикальное средство сдвинуть постылый міръ съ его основанія; наконецъ, васъ немного, нѣсколько десятковъ, а противъ васъ весь міръ, подлый, лживый или глупый.

Какъ же велико будетъ торжество той истины и правды, которую вы исповѣдуете, если она побѣдитъ этотъ міръ и воцаритъ братство, равенство и свободу на землѣ?! Почему именно этой стороной должна была нравиться Андрею мирно-пропагандистская программа, намъ, послѣ вышесказаннаго, нечего, кажется, объяснять. Но въ этой программѣ была и другая сторона, которая должна была вызвать въ душѣ Андрея трагическую раздвоенность, которой не могли уничтожить никакія самобичеванія; она, такъ сказать, произвела трещину, которая съ теченіемъ времени не только не заростала, а все болѣе и болѣе расширялась, причиняя ему мучительныя, хотя и старательно скрываемыя даже отъ самого себя страданія... Пропаганда требовала, какъ оказалось на практикѣ, слишкомъ продолжительнаго времени; кромѣ того, она была разсчитана на необыкновенно спокойную и терпѣливую натуру, по копеечкѣ скопляющую гривенникъ, а изъ гривенника рубли, а тамъ, богъ дастъ, и цѣлую сотню.

Могла-ли такая натура, какъ была у Андрея, не заявить инстинктивнаго протеста противъ пропагандистской дѣятельности, выяснившейся на практикѣ? Напрасно онъ заставлялъ себя жить въ сырыхъ и грязныхъ квартирахъ, напрасно увлекался чтеніемъ и толкованіемъ рабочимъ разныхъ книжекъ, организаціей маленькихъ рабочихъ общинъ съ кассами, библіотеками и т. п. Это было не его дѣломъ. Послѣ продолжительныхъ занятій въ одной рабочей артели, когда онъ уже могъ надѣяться, что воспиталъ нѣсколькихъ соціалистовъ, пришлось ему разспросить одного изъ нихъ, лучшаго: „Ну, чоо, братъ, если бы теперь тебѣ кто-нибудь далъ 500 рублей, что бы ты сдѣлалъ?“ „Я? Я бы пошелъ въ свою деревню и снялъ бы лавочку“.... Напрасно ѣздилъ онъ въ деревню и до изнеможенія копался на какомъ-нибудь баштанѣ и продавалъ огурцы на базарѣ... Польза, конечно, была, не бываетъ безъ того... Нѣсколько новобранцевъ,—таки находилось... Но того ли искалось и надѣялось?!

Нѣтъ, направленіе, которое приняла та революціонная фракція, въ рядахъ которой онъ и умеръ, несравненно больше отвѣчало натурѣ Андрея, полнѣе и реальнѣе охватывая его, какъ своею очевидною, болѣе осязательною грандіозностью, такъ и кипучестью работы, удовлетворявшей неугомонному запросу чрезвычайно богатой, пылкой и энергичной натуры. Но, думается, что и это направленіе не могло все-таки вполнѣ удовлетворить Андрея, такъ какъ удаляло его отъ непосредственнаго общенія съ народомъ...

Софья Львовна Перовская.

Я былъ знакомъ съ Соней Перовской въ теченіе восьми лѣтъ, всегда былъ съ нею въ очень хорошихъ отношеніяхъ, иногда обстоятельства складывались такъ, что сами вызывали насъ на откровенныя бесѣды, но, несмотря на все это, я плохо знаю ея жизнь. Знаю лишь то, что самъ видѣлъ или же слышалъ отъ другихъ, но отъ нея самой приходилось слышать очень мало.

Это была натура замѣчательно сдержанная, скрытая въ самой себѣ и какъ будто недовѣрчивая. Сверхъ того, жизнь ея, вообще говоря, была очень невеселая, а жаловаться она не любила. Я знаю много, очень много случаевъ, когда она поддерживала другихъ людей, дѣлая это охотно, просто и чрезвычайно деликатно, но она сама, полагаю, не встрѣчала людей, отъ которыхъ требовала бы нравственной поддержки себѣ: сильный не ищетъ поддержки у слабаго, а Соня, по силѣ характера, на мой взглядъ, превосходила огромное большинство людей, съ которыми ее сталкивала судьба и не уступала даже двумъ-тремъ наиболѣе выдающимся... Поэтому-то ея внутренній міръ былъ и останется загадкой для самыхъ близкихъ ея друзей; эту загадку она не помогала разгадывать. Даже внѣшняя сторона ея жизни извѣстна очень мало, и нужно было бы переспрашивать сотни людей для того, чтобы возстановить, — да и то съ значительными пробѣлами, — хоть эту внѣшнюю сторону.

Дѣтство Сони прошло не весело. Она родилась въ барской семьѣ*). Мать ея — женщина очень умная

*) Въ Петербургѣ 1-го сентября 1853 г. Семейство Перовскихъ состояло изъ отца, матери и дѣтей: Николая, Маріи, Василія и Софьи.

гуманная и честная; но отецъ представляетъ образцовый типъ мелочнаго, своекорыстнаго и безсердечнаго самодура. Общественное положеніе Перовскихъ, ихъ обязанности передъ „свѣтомъ“ отнимали у матери возможность отдавать все свое время дѣтямъ. Семейная жизнь была полна раздора и тяжелыхъ сценъ. Соня, какъ послѣдняя дочь, родилась въ самый разгаръ семейной каторги. Къ старшимъ дѣтямъ отецъ еще чувствовалъ нѣкоторую привязанность, Соню же онъ сразу не взлюбилъ.

До трехъ лѣтъ она оставалась въ Петербургѣ подъ надзоромъ няни-нѣмки, которая ее очень любила. Затѣмъ отецъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Псковъ. Положеніе мужа обязывало Варвару Сергѣевну (мать Сони) тратить много времени на выѣзды, вечера и проч. Такой свѣтскій образъ жизни почти не оставлялъ ей возможности заниматься воспитаніемъ дѣтей. Но онъ продолжался не долго и болѣе не возобновлялся до тѣхъ поръ, пока не выросла старшая дочь, которую пришлось вывозить „въ свѣтъ“. Въ этотъ промежутокъ времени Варвара Сергѣевна горячо отдалась дѣтямъ, ея единственному утѣшенію. Она очень любила меньшую дочь, которая платила ей той же горячей привязанностью.

Соня была очень умнымъ ребенкомъ и исполняла малѣйшія желанія матери. Куколъ она не любила, не играла ими никогда; ея игры носили, что называется, „мальчишескій“ характеръ. Однажды мать увидѣла такую сцену: Василій бросалъ мячемъ въ Соню, которая служила мишенью. Мать разсердилась, но Вася объяснилъ, что онъ не хочетъ обижать сестру, а желаетъ только пріучить ее защищаться, на случай, если на нее нападутъ разбойники. Вообще, очень живая и шаловливая Соня слушалась только матери. Грамотѣ она выучилась только восьми лѣтъ и быстро пристрастилась къ чтенію.

„Въ дѣтствѣ,- разсказываетъ одна личность, близко знакомая съ семейной обстановкой Перовскихъ, — Сонѣ ничего не говорили ни о религіи, ни о Богѣ. Закона Божія она не учила. Отецъ, хотя и былъ вѣрующій, но рѣдко ходилъ въ церковь и для дѣтей не требовалъ религіознаго воспитанія. Постовъ въ домѣ никогда не соблюдали“.

Училась Соня дома у приходящихъ учителей; французскій языкъ преподавался, разумѣется, одновременно съ русскимъ. Варвара Сергѣевна имѣла свой планъ воспитанія и не хотѣла помѣщать Соню въ учебное заведеніе, хотя послѣдняя и просила отдать ее въ гимназію. Провести свой планъ воспитанія матери, однако, не удалось, такъ какъ семейство, благодаря мотовству отца, скоро разорилось.

Впрочемъ, до того еще отецъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Петербургъ. Въ это время Соня съ матерью ѣздила за границу къ дядѣ, который умиралъ тамъ и выразилъ желаніе видѣть передъ смертью свою любимую племянницу. Нѣкоторое время она съ матерью провела въ Женевѣ, а затѣмъ онѣ вернулись въ Петербургъ.

Перовскіе стали жить открыто, старшую дочь „вывозили въ свѣтъ". Отецъ, благодаря своему положенію, имѣлъ огромный кредитъ и, не стѣсняясь, имъ пользовался. Соня съ насмѣшкой и злобой вспоминала объ этомъ времени, о нарядахъ, выѣздахъ, о томъ, что ее хотѣли пріучить къ свѣту. Она въ это время оставалась совсѣмъ уединенною и еще болѣе погрузилась въ свои книги.

Наступилъ 1866-й годъ. Каракозовскій выстрѣлъ низвергнулъ губернатора. Онъ впалъ въ опалу и лишился мѣста за то, что не доглядѣлъ. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и разореніемъ семьи: кредитъ исчезъ, долги превышали стоимость имѣній, страшно, вдобавокъ, запущенныхъ. Давно желавшая отдѣлаться отъ супруга Варвара Сергѣевна, подъ тѣмъ предлогомъ, что жизнь въ Петербургѣ стала не по-средствамъ, отпросилась въ деревню вмѣстѣ съ дѣтьми, вполнѣ увѣренная, что мужъ за нею не послѣдуетъ. Такъ и случилось.

Въ имѣніи близъ Симферополя они прожили безвыѣздно два года. Планъ воспитанія Варвары Сергѣевны, за недостаткомъ средствъ, остался невыполненнымъ, и четырнадцатилѣтняя Соня пополняла свое образованіе чтеніемъ книгъ; ихъ библіотека, кромѣ массы романовъ (которыми занималася отецъ), содержала много серьезныхъ книгъ по исторіи, естествовѣдѣнію и т. п.

Жизнь въ деревнѣ шла спокойно и однообразно. Днемъ сестры читали, гуляли, катались, особенно Со-

ня, страстно любившая верховую ѣзду. Мать занималась хозяйствомъ. По вечерамъ кто-нибудь изъ дочерей читалъ вслухъ большею частью что-нибудь серьезное. Лѣтомъ жизнь разнообразилась пріѣздомъ братьевъ на каникулы; Василій привозилъ съ собою книги, Соня зачитывалась Писаревымъ. Ей уже шелъ 16-годъ. Онѣ съ сестрой задумали поступить на Аларчинскіе курсы. Въ этомъ (1869) году имѣніе, гдѣ они жили, должно было продаваться за долги. Поэтому мать позволила дочерямъ продавать бывшія въ домѣ вещи, чтобы скопить себѣ сколько-нибудь денегъ. Обстановка дома была вполнѣ барская, и вырученныя деньги дѣвушки рѣшили употребить для поступленія на курсы. Осенью пріѣхалъ отецъ для продажи имѣнія, а семья отправилась въ Петербургъ.

Здѣсь Варвара Сергѣевна наняла себѣ очень скромную квартиру. Отцу по пріѣздѣ такая обстановка не понравилась, и онъ нанялъ себѣ квартиру отдѣльно. Это было очень пріятно всему семейству, особенно Сонѣ, которая терпѣть не могла отца. Она его и презирала, и не могла ему простить его поведеніе съ матерью, которую онъ всячески угнеталъ. Мнѣ много разъ приходилось слышать ея отзывы объ отцѣ. Такъ враждебно она, кажется, не относилась ни къ одному человѣку на свѣтѣ. Въ это время Соня и Марія поступили на Аларчинскіе курсы; ходили къ товаркамъ, принимали ихъ у себя, хотя у каждой былъ свой кружокъ. Соня особенно сошлась съ Вальбергъ, Корниловой, Софьей Лешернъ и др. Между тѣмъ, отецъ заболѣлъ и долженъ былъ отправиться за границу. Онъ не могъ ѣхать одинъ, по болѣзни, а потому Варвара Сергѣевна со старшей дочерью сопровождали его. Соня же отпросилась провести лѣто на дачѣ въ Лѣсномъ со своими друзьями (Вальбергъ, Корниловой и Лешернъ).

Это лѣто, проведенное на полной свободѣ, она всегда вспоминала съ особенно теплымъ чувствомъ. Но, когда осенью родные вернулись изъ-за границы, и Сонѣ пришлось поселиться въ домѣ отца (они жили теперь уже всѣ вмѣстѣ), положеніе ея стало невыносимымъ. Отецъ не только стѣснялъ ее во всемъ, но еще запрещалъ принимать товарокъ, особенно Вальбергъ, державшуюся совсѣмъ нигилисткой. Онъ грозилъ сдѣ-

лать Вальбергъ скандалъ, если еще хоть разъ увидитъ ее въ домѣ. Тогда Соня рѣшилась уйти отъ родныхъ. Друзья помогли ей скрыться. Отецъ разсвирѣпѣлъ и обратился къ полиціи съ требованіемъ разыскать дочь. Однако, младшему изъ братьевъ, Василію, удалось выхлопотать паспортъ для сестры: отецъ далъ паспортъ, но уже не хотѣлъ видѣть Соню, такъ что она, посѣщая мать, ходила всегда съ чернаго хода, чтобы не встрѣтить отца.

Это было въ началѣ 70-хъ годовъ. Разныя вѣянія волновали молодежь и не могли, конечно, не коснуться такой натуры, какъ Соня. Она отправилась въ Едимново (Тверской губ.) на Верещагинскую сыроварню и здѣсь, познакомившись съ О., завѣдывавшей школой, она стала помогать ей заниматься съ дѣтьми. Осенью она возвратилась въ Петербургъ. Съ этого времени Соня впервые примыкаетъ къ тому умственному и соціальному движенію, которое совершалось въ средѣ русской молодежи, и, вмѣстѣ съ нею, проходитъ черезъ всѣ стадіи его развитія.

Вотъ что сообщаетъ намъ о Перовской одно лицо, знавшее ее въ эти годы: „Я познакомилась съ Софьей Львовной въ Ставрополѣ въ 1872 г., гдѣ я (вмѣстѣ съ одной моей пріятельницей П.) занималась приготовленіемъ сельскихъ учительницъ. Софья Львовна пріѣхала сюда въ качествѣ оспопрививательницы, чтобы познакомиться съ бытомъ крестьянъ. Для этого она пѣшкомъ исходила всѣ окрестныя села, останавливаясь на нѣсколько дней въ каждомъ для прививанія оспы. Ночевала и столовалась она въ первой попавшейся избѣ вмѣстѣ съ хозяевами и ничуть не тяготилась полнымъ отсутствіемъ удобствъ, къ которымъ привыкла въ дѣтствѣ. Она была въ то время въ своемъ періодѣ рахметовщины: питалась молокомъ да кашей, спала на подушкѣ съ соломой и т. д. Здоровенная она была такая, какъ только можно себѣ представить, про ея щеки ставропольцы выражались, что у нея словно два горшечка на лицѣ. Видѣлись мы, конечно, всякій день. Привившій всѣмъ ребятишкамъ окрестныхъ селъ оспу, она стала помогать намъ съ П. въ нашей школѣ. Ни скрытности, ни нелюбви къ письмамъ я тогда въ ней не замѣчала, она охотно говорила о своихъ петербургскихъ знакомыхъ, которые въ то

время занимались изданіемъ книгъ, о Крымѣ и, въ особенности о своей жизни въ Лѣсномъ. А послѣ ея отъѣзда къ О. (въ Елимцово), мы переписывались съ нею съ годъ, такъ, безъ всякаго дѣла, какъ люди, пожившіе нѣкоторое время вмѣстѣ. Она и въ то время уже внушала къ себѣ уваженіе своею серьезностью и умомъ; видно было, что она пойдетъ по заданному себѣ пути, не увлекаясь по сторонамъ".

Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг. русская молодежь уже именовала себя „революціонерами". И это были дѣйствительно революціонеры, въ томъ смыслѣ, что желали радикальнаго соціальнаго и политическаго переворота на началахъ соціализма. Но въ то же время въ своихъ средствахъ это были мирнѣйшіе изъ мирныхъ людей. Они слишкомъ ненавидѣли насиліе, чтобы не отворачиваться отъ него, даже для достиженія своихъ цѣлей. Они слишкомъ вѣрили въ силу истины для того, чтобы считать нужнымъ насиліе. Тогда казалось, что стоитъ только сказать людямъ: „братья, любите другъ друга!" стоитъ только открыть имъ всѣ сокровища науки, и зданіе грабежа и насилія рухнетъ само собою, быть можетъ, даже не задавивши ни одного человѣка. Для молодежи того времени единственно-реальными понятіями были любовь, самоотверженіе, нравственное возрожденіе, это мы понимали потому что все это мы сами пережили. Но „бунтъ, кровь, революція" все это были звуки. Мы слыхали, что безъ этого нельзя обойтись, но совершенно не понимали, что это такое въ дѣйствительности. Наша „кровь" не сопровождалась страданіемъ, нашъ „бунтъ" былъ строенъ и безобиденъ, наша „революція" была болѣе нравственнымъ перерожденіемъ, чѣмъ кровавой перетасовкой.

Въ концѣ 60-хъ гг. молодежь и вообще всѣ передовые люди увлекались школами и ассоціаціями. Школы должны были пересоздать народъ умственно, ассоціаціи подготовить экономическій переворотъ. Черезъ стадію школъ, народныхъ книжекъ, ассоціацій прошла вся тогдашняя молодежь. Товарка Сони, Женеритъ, начала со школы въ Меглецахъ, Боровичскаго уѣзда, гдѣ у нея учителемъ и также секретаремъ ссудо-сберегательной кассы былъ Гамовъ, осужденный впослѣдствіи къ каторжнымъ работамъ.

Я помню, въ какое отчаяніе пришла С. Лешернъ, когда ея школу закрыли: „Боже мой, неужели у насъ ничего нельзя дѣлать?“ писала она высланному подъ надзоръ полиціи Гамову. Пропаганды въ школѣ никакой не было, если не считать за пропаганду хорошее обращеніе учителя съ дѣтьми и внушеніе имъ правилъ нравственности.

Соня также побывала въ школѣ (въ Едимновѣ). Но въ это время уже начинались гоненія. За школами усилили надзоръ до нелѣпости. Для книгъ измѣнили цензурныя правила, мотивируя это тѣмъ, что неблагонамѣренные люди стараются дешево распространять вредныя книги.

Кружокъ чайковцевъ, представлявшій просто товарищество и занимавшійся до этого исключительно воздѣйствіемъ на студенчество, да изданіемъ и распространеніемъ книгъ*), какъ народныхъ, такъ и для интеллигенціи, теперь увидѣлъ невозможность продолжать такую дѣятельность. Стали поговаривать, что пора перейти къ воздѣйствію на народъ непосредственно, а книги начали издавать безъ цензуры за границей. Наиболѣе крайній кружокъ долгушинскій отрицалъ вообще книжную дѣятельность, а ставилъ своей цѣлью попытку поднять народъ. Долгушинцы, впрочемъ, не имѣли послѣдователей, и средства и связи ихъ были ничтожны.

Соня была связана съ чайковцами личнымъ знакомствомъ которое для нея всегда имѣло много значенія такъ же, какъ и единствомъ взглядовъ. Она присутствовала почти при самомъ зарожденіи кружка.

Въ 1873 г., весною, кружокъ уже значительно сплотившійся и разросшійся до 24 человѣкъ, порѣшилъ серьезно взяться за рабочее дѣло, а также и за нецензурныя изданія. Съ дѣятельнымъ пособіемъ чайковцевъ за границей началось изданіе „Впередъ!“, туда же отправлено для печатанія нѣсколько рукописей народныхъ книжекъ, а въ Питеръ привезли станокъ со шрифтомъ. Сношенія съ рабочими не систематически велись и раньше, но теперь были особенно расшире-

*) Ихъ ими было издано множество; сверхъ того чайковцы сходились съ издателями, брали книги на комиссію и продавали на 50 проц. дешевле. Склады имѣлись почти во всѣхъ главныхъ городахъ.

ны. Нѣкоторые изъ членовъ поступили на фабрики и заводы, другіе завели у себя нѣчто вродѣ вольныхъ школъ*). Вообще, говоря, нѣсколько сотъ рабочихъ было затронуто такъ или иначе. Въ одномъ мѣстѣ составился чисто рабочій кружокъ, имѣвшій библіотеку. Около чайковцевъ были еще подъ-группы молодежи и множество отдѣльныхъ лицъ. Въ провинцію кружокъ послалъ делегатовъ, которые побудили къ образованію такихъ же кружковъ и въ другихъ городахъ (въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ), во многихъ губ. и уѣздныхъ городахъ завели сношенія съ отдѣльными лицами. Наконецъ, двумя-тремя лицами сдѣланы попытки итти „въ народъ", въ крестьянство.

Соня дѣлала вообще все, что нужно было кружку: имѣла у себя спеціально кружковую квартиру, занималась съ рабочими и завѣдывала сношеніями съ тюрьмами, въ чемъ уже и тогда была нужда. Съ ноября 1873 г. въ Петербургѣ начались страшные аресты. Тогда же было рѣшено дѣятельность перенести, главнымъ образомъ, въ провинцію, но, прежде чѣмъ это совершилось, большая часть чайковцевъ была арестована.

Дѣятельность Сони за это время мнѣ почти неизвѣстна. Новыми товарищами она, кажется, была недовольна: она вообще была консервативна, тяжело ей было свыкаться съ новыми товарищами, тяжело перемѣнять взгляды.

Лѣтомъ 1874 г. она была арестована, но скоро выпущена на поруки за 5 тыс. р. и уѣхала съ братомъ въ Крымъ, въ свое Приморское, единственное имѣніе, которое Варварѣ Сергѣевнѣ удалось какъ-то спасти и тѣмъ обезпечить дѣтей.

Проживши на родинѣ нѣкоторое время, Перовская отправилась въ Тверскую губ., къ одному знакомому врачу, при содѣйствіи котораго рѣшилась изучить фельдшерское искусство. Всѣ симпатіи Перовской были на сторонѣ дѣятельности въ крестьянской средѣ, и, при первой возможности, она намѣревалась отдаться ей всѣми своими силами и энергіей, для какой цѣли придавала большое значеніе фельдшерскому диплому.

*) Занятія съ рабочими были: на Обводномъ каналѣ, за Невской и Нарвской заставами, на Петербургской и Выборгской сторонахъ и на Васильевскомъ островѣ.

Въ Тверской губ. Перовская пробыла нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ очень усердно ухаживала за больными, при чемъ также занималась и оспопрививаніемъ. Отъ одного моего знакомаго, который часто встрѣчался съ Перовской въ Тверской губ. и затѣмъ былъ съ нею въ одномъ кружкѣ „Земли и Воли", я слыхала, съ какой заботливостью и нѣжностью Перовская ухаживала за больными.

Къ обязанностямъ простой сидѣлки Перовская относилась съ такою же добросовѣстностью и аккуратностью, какъ и ко всей своей революціонной дѣятельности. Она вообще ничего не могла дѣлать на скорую руку, какъ-нибудь. Взявшись за самое маленькое дѣло, она исполняла его наилучшимъ образомъ.

Познакомившись нѣсколько въ Тверской губ. съ медицинской практикой, Перовская нашла необходимымъ прослушать правильный курсъ, для чего вернулась обратно на родину и поступила въ симферопольскую фельдшерскую школу, которую и окончила въ теченіе одного года. Жизнь ея въ Симферополѣ ничѣмъ особеннымъ не отличалась. Усердно занимаясь дѣломъ, она и здѣсь, какъ вездѣ, пріобрѣла любовь и уваженіе окружающихъ. Врачи фельдшерской школы относились къ ней съ полнымъ довѣріемъ и, несмотря на то, что она еще не окончила курса, они часто предоставляли ей практику. Въ числѣ ея паціентокъ была одна, страдавшая ракомъ на груди, старушка-еврейка, къ которой Перовская въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ каждый день ходила для перевязки. Своей заботой объ этой больной, своей вѣчной улыбкой, она внушила ей такую любовь къ себѣ, что та съ нетерпѣніемъ ждала ея прихода и увѣряла при этомъ, что при одномъ ея видѣ ей дѣлается уже несравненно лучше.

Зимою 1877 г., получивши дипломъ, Перовская принялась искать мѣсто гдѣ-нибудь въ деревнѣ. Но въ это время начался процессъ 193-хъ, и ее повезли въ Петербургъ въ качествѣ подсудимой. Во время суда она оставалась на свободѣ, ходила на свиданія въ тюрьму къ своимъ старымъ пріятелямъ и товарищамъ, заботилась о нихъ, посылала имъ пищу, одежду, книги. На судѣ она была въ числѣ „протестовавшихъ" и всячески старалась, чтобы „протестъ" вышелъ, какъ можно, шире и дружнѣе. По суду она была оправдана.

Какъ извѣстно, по суду къ каторжнымъ работамъ приговоренъ былъ Мышкинъ, произведшій такое сильное впечатлѣніе своей рѣчью. Революціонеры рѣшились освободить его во время перевозки его изъ Петербурга въ центральную тюрьму. Перовская приняла въ этомъ планѣ самое горячее участіе. Но власти, узнавъ случайно объ этомъ замыслѣ, постарались ускорить и скрыть его отправку, и затѣявшіе его освобожденіе узнали объ этомъ только тогда, когда онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ (подъ Харьковомъ).

Трудно сказать, что дѣлалось съ Соней послѣ такой неудачи. Попавшагося на глаза въ этотъ самый моментъ участника ни за что разругала самымъ несправедливымъ образомъ и, успокоившись, она просто застыла на мысли, непремѣнно, во что бы то ни стало, освободить другихъ. Ходила она злая-презлая, и только за своей больной (у нея на попеченіи была беременная госпожа С., страшно слабая и едва не умершая) ходила такъ же ласково и внимательно, какъ всегда.

Въ это время „троглодиты“ были единственнымъ дѣятельнымъ кружкомъ въ Петербургѣ. Сонѣ они не нравились, но видя, что только при помощи этого кружка можетъ удаться задуманное ею дѣло, она пристала къ нимъ.

Правила организаціи требовали безусловнаго подчиненія большинству. Соня скоро увидала, что безъ этого, дѣйствительно, ничего нельзя сдѣлать. Лично же она представляла образецъ дисциплины въ разъ рѣшенномъ дѣлѣ. Не знаю, какова была роль ея въ возбужденіи вопроса объ освобожденіи центральныхъ ссыльныхъ. Но компанія „троглодитовъ“, начавшая вскорѣ изданіе „Земли и Воли“, откуда и получила свое названіе землевольцевъ, произвела извѣстную попытку освобожденія Войнаральскаго. Соня принимала въ ней дѣятельное участіе и обнаружила все свое умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, никогда не измѣнявшее ей самообладаніе и не женское мужество. Но когда попытка не удалась, она безжалостно упрекала участниковъ, и безъ того уже бывшихъ въ полномъ отчаяніи: „Зачѣмъ не гнали дальше! Какъ могли промахнуться!“ и т. п. Вообще, такъ какъ я не желаю писать панегириковъ, въ которыхъ Соня не нуждается вовсе, нужно сказать, что она въ дѣлѣ была жестоко-

требовательна, и могла довести человѣка до самоубійства за малѣйшую слабость. Какъ это помирить съ ея нѣжностью къ больнымъ, слабымъ, и вообще ко всѣмъ, требующимъ поддержки,—я не знаю. Но обѣ черты принадлежатъ ей одинаково. Правда, что себя-то она ужъ окончательно не жалѣла и не берегла.

Послѣ харьковскаго дѣла Соня уѣхала къ себѣ въ Приморское и затѣмъ очень скоро была арестована: ее хотѣли выслать въ Повѣнецъ административно, подобно большинству освобожденныхъ по процессу 193. Но она по дорогѣ бѣжала. Везшіе ее жандармы, желая съэкономить нѣсколько денегъ, предложили ей ѣхать не по желѣзной дорогѣ на Рыбинскъ, а пароходомъ. Она согласилась. Но для того, чтобы дождаться парохода, пришлось переночевать въ Чудовѣ. Соня спала въ дамской комнатѣ на вокзалѣ. Оба жандарма легли возлѣ дверей. Когда они заснули, Соня перешагнула черезъ нихъ, отворила двери, ушла съ вокзала и спряталась въ лѣсу, гдѣ и пробыла 6 часовъ, пока не улеглись поиски, а затѣмъ поѣхала въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени, она снова уѣхала въ Харьковъ - продолжать дѣло освобожденія. Съ этимъ освобожденіемъ она возилась цѣлый годъ. Работа была невозможно трудная. Соня подготовила очень многое и преодолѣла первыя препятствія. Ей удалось подыскать людей, устроить наблюденіе за центральной тюрьмой и сношенія съ заключенными. Живя въ городѣ и поступивъ на акушерскіе курсы, она въ то же время завела много знакомствъ среди молодежи, гдѣ ее не только любили, но относились съ нѣкоторымъ поклоненіемъ. Она положила начало кружку, просуществовавшему въ Харьковѣ болѣе 2-хъ лѣтъ. Что касается освобожденія, то оно не могло состояться, такъ какъ питерцы Соню скоро совершенно перестали поддерживать. Мѣсяца два спустя послѣ мезенцовскаго дѣла, кампанія „Земли и Воли“ была сильно ослаблена: лучшіе люди перебраны, связи подорваны, притокъ средствъ, по отсутствію людей, сократился. Напрасно оставшіеся въ живыхъ обращались изъ Петербурга въ провинцію (гдѣ въ народѣ было еще множество землевольцевъ) за помощью; никто не пріѣзжалъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что дѣла въ Петербургѣ не имѣютъ значенія, а увлеченіе терроромъ даже вредно. При та-

кихъ условіяхъ, оставшимся приходилось работать каждому за десятерыхъ для того только, чтобы сохранить центръ. Можно сказать даже, что въ это время одинъ-два человѣка вынесли на плечахъ своихъ честь революціи. Понятно, что оказывать еще помощь Сонѣ въ ея планѣ было невозможно.

Вотъ что сообщаетъ объ этомъ періодѣ жизни Перовской одна изъ ея харьковскихъ пріятельницъ.

„О Перовской я услыхала въ первый разъ въ іюнѣ 1878 г. отъ лицъ, подготовлявшихъ освобожденіе Войнаральскаго. Судя по тому, какъ эти лица отзывались о ней и какъ ждали ея пріѣзда въ Харьковъ, я тогда же заключила, что къ Перовской относятся въ этомъ кружкѣ съ глубокимъ уваженіемъ и какой-то особенной нѣжностью. Пріѣхала она въ Харьковъ позже всѣхъ остальныхъ участниковъ освобожденія, такъ, за недѣлю до катастрофы, потому, мнѣ кажется, что на ея обязанности лежало слѣдить за отправкой осужденныхъ изъ Петербурга и вообще не терять ихъ изъ виду. Во время освобожденія Перовская исполняла роль простой горничной на одной изъ квартиръ участниковъ. Она и вообще, какъ я послѣ узнала, бралась всего охотнѣе за такія роли, гдѣ нужно было разыгрывать простого человѣка; роль же барыни ей, вѣроятно, была не по-нутру, и я сомнѣваюсь даже, чтобы она могла ее выполнить, такъ же безукоризненно хорошо, какъ свои обыкновенныя роли. Въ качествѣ простой горничной, во время освобожденія, Перовская являлась всюду, гдѣ нужно было слѣдить и выслѣживать. Особенно внимательно наблюдала она за вокзаломъ, гдѣ въ это время былъ усиленъ полицейскій персоналъ, вслѣдствіе ожидавшагося прибытія поѣзда съ осужденными. Когда попытка окончилась неудачей, и участникамъ приходилось спасаться изъ Харькова, Перовская, замѣшавшись въ толпѣ, наблюдала за отъѣздомъ товарищей и видѣла, какъ арестовали явившагося первымъ на вокзалъ Ѳомина. Едва успѣли жандармы увести Ѳомина, какъ на вокзалъ явилось еще двое изъ участниковъ освобожденія, которые, навѣрное, были бы арестованы, если бы Перовская не успѣла во-время предупредить ихъ о случившемся. Тогда всѣ трое ушли съ вокзала, переждали нѣсколько дней у своихъ знакомыхъ и, когда жаръ полиціи

нѣсколько поутихъ преспокойно уѣхали изъ Харькова.

Въ октябрѣ того же года Перовская снова пріѣхала въ Харьковъ, и въ этотъ разъ мнѣ удалось поближе узнать ее. Она въ это время была вся поглощена устройствомъ сношеній съ заключенными въ централкѣ и своимъ грандіознымъ планомъ освобожденія. Первое ей удалось вполнѣ, такъ что для заключенныхъ это было по-истинѣ блаженнымъ временемъ: люди, просидѣвшіе тамъ по нѣскольку лѣтъ безъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, вдругъ получили возможность переписываться со своими близкими, а также имѣть книги, ѣду и необходимую зимнюю одежду. Все это Перовская доставляла имъ съ истинно материнской заботливостью. Она, напр., по нѣсколько дней расхаживала по лавкамъ, раньше чѣмъ покупала ту или другую вещь для центральныхъ, объясняя при этомъ, что, мол, тѣ теплыя фуфайки или эти теплые чулки кажутся ей недостаточно прочными, и она боится, что они могутъ сидящимъ не хватить на цѣлую зиму. Посылая пищу въ тюрьму, она заранѣе обдумывала, какая пища необходима заключеннымъ, чтобы предохранить ихъ отъ обыкновенныхъ тюремныхъ болѣзней, почему посылала имъ всегда сельдей, сыру, лимоновъ и яблокъ. И все это она дѣлала такъ старательно и съ такой нѣжностью, что часто приводила въ умиленіе какъ меня, такъ и другихъ своихъ знакомыхъ.

Я жила съ Перовской въ одной комнатѣ, когда (въ ноябрѣ) получилось извѣстіе, что въ Петербургѣ многіе изъ членовъ „Земли и Воли“ арестованы*). Трудно изобразить, какое горе причинило ей это извѣстіе. Какъ человѣкъ чрезвычайно скрытный, она ни передъ кѣмъ не изливала его и казалась даже спокойной и не особенно убитой, но зато по ночамъ, когда она была увѣрена, что я сплю, и никто не слышитъ ея, она давала волю своему горю. Помню, какъ Перовская провела первыя 3 ночи послѣ полученія извѣстія. Что это были за ночи!... Я вынуждена была притворяться спящей, изъ боязни своимъ присутствіемъ или участіемъ только стѣснить ее, но какъ сжималось мое сердце при

*) Андріашъ Михайловъ, Сабуровъ, Булановъ, Малиновская, Колѣнкина и др., судившіеся въ маѣ 1880 г. по такъ называемому процессу „Веймара“.

этихъ постоянно раздававшихся тихихъ рыданіяхъ!... Я тогда еще не знала, какъ этотъ погромъ можетъ отразиться на планѣ освобожденія и думала, что Перовская такъ убивается только потому, что эти люди ей особенно близки. Впослѣдствіи я лишь поняла, что съ нихъ арестомъ у нея явилось сомнѣніе въ возможности осуществить свой планъ. Разстаться съ этимъ планомъ ей было невыносимо тяжело, но все же пришлось, такъ какъ за первыми арестами послѣдовали другіе, и попытка освобожденія не могла состояться.

. . . . Наступило 2 апрѣля 1879 г. Правительство приняло такое положеніе, что уже совершенно немыслимо было уклониться отъ прямой борьбы съ нимъ. На эту борьбу вызывали факты, эту борьбу стала освящать и нарождающаяся теорія.

Освобожденія заключенныхъ изъ тюремъ отошли совершенно на задній планъ.

Въ іюнѣ состоялся Липецкій съѣздъ. Соня не была приглашена на него, но въ Воронежѣ она была. Здѣсь она заявила себя противъ политической программы, но всѣми силами стремилась предупредить разрывъ партіи и была въ числѣ лицъ, успѣвшихъ на два мѣсяца задержать этотъ расколъ, но онъ все-таки произошелъ.

Какъ всегда чуткая, понимающая, гдѣ бьется жизнь и правда, Соня не захотѣла оставаться въ „Черномъ Передѣлѣ“, но, съ другой стороны, и не тотчасъ присоединилась къ „Народной Волѣ“. Очень близкіе и уважаемые люди, бывшіе въ такомъ же положеніи, звали ее за границу. „Я предпочитаю быть повѣшенной здѣсь, чѣмъ жить за границей“, отвѣчала она, и наотрѣзъ отказалась ѣхать.

Распаденіе организаціи „Земли и Воли“ на 2 группы въ сущности произошло задолго до формальнаго его санкціонированія. Каждая группа послѣ Воронежскаго съѣзда дѣйствовала уже почти вполнѣ независимо: привлекала къ себѣ новыхъ членовъ изъ лицъ, не входившихъ въ организацію „Земли и Воли“, обсуждала условія соглашенія и тѣхъ уступокъ, какія можно сдѣлать, чтобы избѣжать разрыва, и заранѣе готовилась къ своимъ практическимъ задачамъ на случай разрыва. По поводу всего этого у такъ называемыхъ „деревенщиковъ“ (будущихъ чернопередѣльцевъ) происходили сходки (за Петербургомъ), въ которыхъ уча-

ствовала также и Софья Львовна. Большинство не видѣло возможности прійти къ какимъ-нибудь соглашеніямъ съ террористами. Введеніе политическаго элемента въ программу и сосредоточеніе главныхъ силъ партіи на борьбѣ съ правительствомъ вызывали протестъ со стороны деревенщиковъ, — разрывъ былъ неизбѣженъ. Но Софьѣ, какъ и многимъ другимъ, ужасно не хотѣлось его. Она доказывала, какой вредъ произойдетъ отъ распаденія организаціи „Земли и Воли“ и скорѣе молила, чѣмъ аргументировала, какъ его избѣжать. Она лично почти не видѣла существенныхъ разногласій между обѣими фракціями и находила, что расхожденіе происходитъ больше отъ недоразумѣній, которыя можно удалить взаимными объясненіями. Она соглашалась съ деревенщиками, что не слѣдуетъ оставлять дѣятельности въ народѣ, хотя и на время, какъ это предлагали террористы (будущіе народовольцы), но, рядомъ съ этимъ, находила необходимымъ убійство Александра II, на что въ то время было устремлено все вниманіе послѣднихъ. Относительно этого пункта она нѣсколько расходилась съ деревенщиками, которые признавали полезность этого факта лишь въ связи съ дѣятельностью въ народѣ. Они смотрѣли на убійство царя, какъ на агитаціонный фактъ, могущій послужить сигналомъ къ крупнымъ массовымъ движеніямъ. Поэтому моментъ совершенія убійства Александра II они ставили въ зависимость отъ результатовъ предварительной организаціонной работы въ народѣ, иначе, фактъ этотъ, думали они, или останется совсѣмъ безъ вліянія на народъ, или онъ вызоветъ стихійныя движенія, которыя, при отсутствіи революціонныхъ организацій, могутъ скорѣе принести вредъ, чѣмъ пользу. Но террористы рѣшительно не хотѣли подчинять время совершенія этого факта дѣятельности въ народѣ, находя эти соображенія не вполнѣ вѣрными и не всегда удобоисполнимыми, поэтому они стояли за выполненіе своего намѣренія, какъ только представится къ тому возможность. Софія Львовна соглашалась съ деревенщиками, что убійство царя будетъ имѣть гораздо большее значеніе, если оно совершится при параллельной дѣятельности въ народѣ, при существованіи серьезныхъ сношеній съ нимъ и крупныхъ организацій; но всего этого въ то время почти совсѣмъ не было, поэтому она

находила полезнымъ совершеніе убійства Александра II, ради одной уже мести за ужасныя преслѣдованія и казни соціалистовъ, и такъ какъ приведеніе этого плана въ исполненіе само собою откладывалось на нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ деревенщики, какъ ей казалось, могли еще кое-что успѣть въ народѣ, то она и считала дѣятельность обѣихъ фракцій одна другую дополняющей; но пока деревенщикамъ удастся завязать серьезныя сношенія съ народомъ, она рѣшилась помогать террористамъ въ ихъ планахъ взрыва царя. Вотъ почему при состоявшемся (въ началѣ августа 1879 г.) формальномъ распаденіи „Земли и Воли“ на „Народную Волю“ и „Черный Передѣлъ“, Софія Львовна не пристала ни къ одной изъ этихъ двухъ группъ цѣликомъ, но, тѣмъ не менѣе, помогала каждой. Такъ, передъ отъѣздомъ въ Москву (въ домъ Сухорукова), она передала чернопередѣльцамъ кое-какія имѣвшіяся у нея связи въ провинціи, познакомила ихъ съ нѣкоторыми лицами, располагавшими матеріальными средствами и сочувствовавшими дѣятельности въ народѣ, и отдала имъ имѣвшуюся у нея небольшую сумму для ихъ предпріятій.

Возвратившись послѣ 19 ноября въ Петербургъ, Софія Львовна тотчасъ же постаралась повидаться съ нами. Почти съ первыхъ же словъ она прямо заявила намъ, что готова пристать къ чернопередѣльцамъ, если у нихъ имѣется теперь (или въ скоромъ времени будетъ) крупное организаціонное предпріятіе въ народѣ. Народовольцы подробно изложили ей настоящее положеніе дѣлъ: они разсказали ей, какъ велики теперь внѣшнія (политическія) препятствія для серьезной дѣятельности въ народѣ, какъ ничтожны тамъ связи („зацѣпки“) чернопередѣльцевъ, въ какомъ незавидномъ положеніи находятся всѣ, желающіе дѣйствовать въ деревнѣ, и какъ мало силъ и средствъ для возможной даже въ этомъ направленіи дѣятельности. Твердая увѣренность народовольцевъ въ томъ, что серьезное революціонное дѣло немыслимо въ данное время въ народѣ, произвело на Софію Львовну очень тяжелое впечатлѣніе. „Такъ остается пристать къ народовольцамъ?“— не то спрашивала, не то рѣшала она.

Зная, что она не раздѣляетъ цѣликомъ воззрѣній „Народной Воли“, что она мало вѣритъ въ возможность добиться политической свободы силами партіи, что она

смотритъ на террористическіе акты больше, какъ на месть правительству, народовольцы старались отклонить ея намѣреніе, доказывая, что лучше уже выждать нѣкоторое время; а пока возможна будетъ дѣятельность въ народѣ, они предлагали ей уѣхать за границу. „Нѣтъ, нѣтъ!—рѣшительно заявила она— я останусь здѣсь погибать вмѣстѣ съ борющимися товарищами!“

Трудно выразить, какъ тяжело товарищамъ Перовской было сознавать, что она остается для вѣрной и скорой гибели, но никакими доводами они не въ силахъ были переубѣдить ее.

На другой день, послѣ этой бесѣды, Желябовъ съ необычайной радостью сообщилъ намъ, что Софія Львовна уже формально вступила въ организацію „Народной Воли“.

Въ декабрѣ 1879 г. Соня, такимъ образомъ, формально присоединилась къ фракціи „Народной Воли“. Съ тѣхъ поръ она со всей энергіей работала на пользу „Народной Воли, а въ организаціонномъ отношеніи сдѣлалась значительно большей централисткой и горячо проповѣдывала необходимость дисциплины.

На послѣднемъ судѣ, какъ извѣстно, Соня заявила себя агентомъ Исполнительнаго Комитета. Дѣйствительно, несмотря на то, что при раздѣленіи партіи она не пристала оффиціально ни къ одной фракціи, мы видимъ, что она участвуетъ въ дѣлѣ 19 ноября. Участіе ея въ немъ извѣстно изъ газетъ. Товарищи по дѣлу превозносили ея ловкость и умѣніе. Она оставалась въ домѣ до самаго взрыва, была въ толпѣ рабочихъ, перепуганныхъ неожиданнымъ происшествіемъ, и уѣхала изъ Москвы случайно, въ одномъ вагонѣ съ купцомъ, своимъ сосѣдомъ по дому Сухоруковыхъ. Изумительно, какъ онъ ея не замѣтилъ?

Почти сейчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Соня попала въ непріятное положеніе, обыкновенно наступающее послѣ всякихъ „покушеній“ и т. п. Начались аресты. Взята была типографія „Народной Воли“, а также многіе изъ выдающихся ея дѣятелей. Соня въ это время была неподражаема по хладнокровію и находчивости.

Дѣятельность Сони за послѣдній годъ извѣстна мнѣ лучше, чѣмъ въ какой-нибудь другой періодъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ близко касается нашего времени для того, чтобы о ней можно было говорить. Одно можно сказать: она работала неутомимо. Особенно

она занята была рабочимъ дѣломъ, а въ связи съ нимъ дѣйствовала и между студенчествомъ. Къ дѣятельности среди рабочихъ ее влекли всегдашняя ея симпатія и убѣжденія. Она очень серьезно вдумывалась въ планъ переворота, поставленный партіей, и всегда утверждала, что безъ широкаго участія рабочихъ и безъ поддержки войска переворотъ немыслимъ.

Къ недостаткамъ Сони можно причислить ея крайнюю неосторожность. Себя она не берегла ни на волосъ. Да и вообще она способна была увлекаться цѣлью до того, что не достаточно осторожно вела себя въ работѣ. Однако, она никогда не хотѣла признавать себя въ этомъ виновной, и нужно сознаться, что ея ловкость очень часто выкупала недостатокъ осторожности.

Послѣдній годъ жизни Сони былъ первымъ годомъ любви. Она полюбила Желябова,— единственный разъ въ жизни, если не ошибаюсь. Вообще она была большая „женская патріотка“ и всегда утверждала, что мужчины въ сущности ниже женщинъ. Серьезное уваженіе она чувствовала къ очень немногимъ. Желябовъ оказался человѣкомъ по плечу Сони. Она крѣпко любила его, какъ я, признаться, считалъ ее неспособной полюбить мужчину. Недолго продолжался этотъ эпизодъ. Въ концѣ февраля 1881 г. Желябовъ былъ арестованъ.

Участіе Сони въ дѣлѣ 1-го марта раскрыто ею на судѣ. Послѣ ареста Желябова она успѣла очистить свою квартиру отъ всего цѣннаго и уйти на глазахъ искавшей ее полиціи. Послѣ 1-го марта друзья настаивали на ея отъѣздѣ. Она отказывалась, умоляя оставить ее въ Петербургѣ, гдѣ теперь такъ интересно быть. Нѣсколько дней спустя ее арестовали на улицѣ, когда она ѣхала на извозчикѣ.

Безполезно говорить о томъ, что Соня встрѣтила смерть такъ же, какъ встрѣчала тяжелую жизнь: спокойно и съ достоинствомъ. Умереть хорошо легче, чѣмъ жить такъ, какъ умѣла жить она.

Приведу въ заключеніе письмо Сони, написанное ею матери передъ судомъ. Она старается щадить и осторожно приготовить мать къ страшному удару. Къ сожалѣнію, это единственное письмо Сони, которое я могъ достать. Впрочемъ, она и не любила писать, кромѣ чего-нибудь дѣлового. Вотъ это письмо:

„Дорогая моя, неоцѣненная мамуля! Меня все давитъ и мучаетъ мысль, что съ тобой. Дорогая моя,

умоляю тебя, успокойся, не мучь себя изъ-за меня, побереги себя, ради всѣхъ окружающихъ тебя, и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встрѣчаю ее, такъ какъ давно знала и ожидала, что рано или поздно, а такъ будетъ. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила такъ, какъ подсказывали мнѣ мои убѣжденія; поступать же противъ нихъ я была не въ состояніи: поэтому со спокойной совѣстью ожидаю все, предстоящее мнѣ. И единственно, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ, это твое горе, моя неоцѣненная, это одно меня терзаетъ, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большіе, для которыхъ, для всѣхъ ты нужна, какъ великая своей нравственной силой. Я всегда отъ души сожалѣла, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь, но во всякія минуты колебанія твой образъ меня всегда поддерживалъ. Въ своей глубокой привязанности къ тебѣ я не стану увѣрять, такъ какъ ты знаешь, что съ самаго дѣтства ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Безпокойство о тебѣ было для меня всегда самымъ большимъ горемъ. Я надѣюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я теперь причиняю, и не станешь меня сильно бранить: твой упрекъ единственно для меня тягостный.

Мысленно, крѣпко и крѣпко цѣлую твои ручки, и на колѣняхъ умоляю не сердиться на меня. Мой горячій привѣтъ всѣмъ роднымъ. Вотъ и просьба къ тебѣ есть, дорогая мамуля, купи мнѣ воротничекъ и рукавчики, потому запонокъ не позволяютъ носить, и воротничекъ поуже, а то для суда хоть нѣсколько поправить свой костюмъ: тутъ онъ очень разстроился. До свиданія же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя изъ-за меня, моя участь вовсе не такая плачевная, и тебѣ изъ-за меня горевать не стоитъ".

22-го марта 1881 г. *Твоя Соня.*

Какъ извѣстно, черезъ 12 дней послѣ написанія этихъ строкъ, Софья Львовна окончила свои дни на эшафотѣ...